

В книге собраны и исследованы фамильные знаки (тамги) народов Северного Кавказа со средневековья до начала двадцатого века. Эти знаки являются историческими свидетельствами историко-культурной общности горцев Северного Кавказа.

Редактор *Р. Х. Ацканов*

Художник *Х. М. Пишхачев*

© *Х. Х. Яхтанигов, 1993*

ВВЕДЕНИЕ

В XVI — начале XX в. в быту народов Северного Кавказа большую роль играли так называемые тамги — знаки, выполнявшие самые разнообразные функции: от элементарного знака собственности, наносимого на вещи или тело животного, до фамильного герба. Они вышивались на свадебном флаге, высекались на надмогильных плитах. Еще на заре отечественного кавказоведения отмечалась необходимость сбора, систематизации и изучения тамг. Но, к сожалению, за единственным исключением, весь процесс их изучения долго сводился главным образом к сбору и публикации небольших серий знаков.

При отсутствии достаточного количества письменных источников по истории, культуре народов Северного Кавказа изучение тамг, являющихся относительно достоверным источником, может явиться дополнительным вкладом в освещение некоторых вопросов кавказоведения.

Задача данной работы состоит в изучении литературных, архивных источников и полевого этнографического материала северокавказских горцев для того, чтобы на основе тамг исследовать вопросы этногенеза, сословно-династических, политических, обрядовых и других явлений в данном регионе.

Для этой цели были изучены существующая литература дореволюционного и советского периодов, архивные документы Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР, Ставропольского края, Адыгейской автономной области. Собран полевой этнографический материал. Собранная нами коллекция горских тамг составляет около 3000 знаков.

Профессор Л. И. Лавров считал первым из дореволюционных исследователей кавказских тамг Д. Кантемира, зарегистрировавшего в 1772 г. две из них [127, с. 91].

Однако наиболее тщательное изучение источников свидетельствует о том, что первыми, кто описал, зарисовал северокавказские тамги, являются безвестные писари Конюшенных, Посольских приказов русского государства, которые фиксировали партии лошадей, подаренных представителями народов Северного Кавказа русскому двору. Они по долгу службы внимательнейшим образом описывали тавры, масть, возраст, высоту и другие особенности лошадей.

Ценность этих документов в том, что они являются своеобразными первыми малыми каталогами северокавказских фамильных тамг того периода. Таким образом, говоря словами Е. Кушевой, эти документы позволяют «составить коллекцию тамг дагестанских и кабардинских владельцев на

одно-два столетия древнее зарисовок Гильденштедта» [261, с. 62].

В самом деле, если тамга Д. Кантемира датируется 1722 г., то, по данным ЦГАДА, тамга, зарисованная с лошади, подаренной кабардинским князем Шолохом Сунчалеевичем русскому правительству, относится к 1630 г., т. е. на 142 года раньше «пионера изучения кавказских тамг» Д. Кантемира. Важность данного сообщения повышается и тем, что, помимо самого рисунка тамги, архивные данные сообщают имя владельца тамги и даже сторону лошади, на которой находится знак.

В начале 1790 г. академик П. С. Паллас зарисовал «56 преимущественно кабардинских тамг» [38, с. 230], сообщив «фамилии или имена 48 владельцев тамг» [38, с. 230]. С. М. Броневский, опубликовавший эти знаки в своей книге в 1823 г., верно заметил: «...каждый завод имеет свое клеймо или тавро» [38, с. 136]. Правда, при этом он допустил неточность, назвав кабардинских князей рода Шолох «первостепенными узденями» [38, с. 136].

В 1859 г. Ф. А. Коленати опубликовал 27 тамг, упомянув при этом самых известных кабардинских, абазинских владельцев тамг того периода: Шалох (Шолох), Грамкт (Трам) и Беслен. А в 1868 г. К. Костенков, издавший зарисовки калмыцких и кароногайских тамг, выявил, что среди них одна «встречается у кабардинцев» [111, с. 170].

26 тамг «лучших пород горских лошадей Кавказа» [203, с. 67] было издано в 1875 г. В. Пржецлавским.

Более разнообразным оказался труд генерала А. П. Грамотина, в конце 40 г. XIX в. собравшего кабардинские, абазинские, карачаевские и осетинские тамги, — всего 113 [55].

Большим энтузиастом в сборе и изучении кавказских тамг оказался Е. Т. Соловьев, правда, при этом явно преувеличивал значение их, утверждая, что с помощью тамг можно «всегда безошибочно определить» [216, с. 13], какому народу принадлежат те или иные предметы старины.

Н. Н. Харузин собрал сведения о тамгах чеченцев и ингушей, заметив при этом, что среди них есть и такие, «рисунки которых заимствованы у кабардинцев» [242, с. 34].

В отличие от Е. Т. Соловьева, полагающего, что можно использовать тамги как определитель этнической принадлежности того или иного предмета древности, К. Костенков и Н. Н. Харузин первыми заметили, что тамги могут пересекать этнические границы. Кстати, учитывая стойкость традиции тамгопользования, считаем, что тамговые знаки на «глиняных ковшах» [46, с. 20] древнемеотского времени наносились по тем же соображениям фиксации собственности, по которым тамги ставились на посуду вплоть до начала XX в.

Очередная работа принадлежит Е. Д. Фелицыну, опубликованному солидное собрание в 310 тамг, дающее общее представление о характере северокавказских тамг.

Незамеченной для большинства исследователей оказалась вышедшая на турецком языке книга в 1892 г. Ее автор, Улап Мустафа Махир сын Исмаила, собрал 257 адыгейских, кабардинских, абазинских, карачаевских, ногайских, армянских тамг. К достоинствам этой солидной коллекции следует добавить и сведения автора о сословной принадлежности и прошлого этнического происхождения некоторых фамилий.

Исследуя балкарские тамги, в 1907 г. Н. А. Караулов издал 22 тамги главных фамилий балкарских владельцев. Он также первым заметил сходство графической основы части балкарских тамг с крымскими.

Самое обширное собрание в свое время собрал Р. Н. Костонянц, его коллекция составила 342 кавказские тамги.

Несмотря на многократные поиски автора этих строк, ненайденными по сей день остались карачаевские тамги, собранные в 1926 г. крымским краеведом О. Акчокраклы.

Если вышеупомянутые авторы, чьи работы носили в основном собирательно-описательный характер, и не ставили задач по изучению конкретных тем: о происхождении, о функциях, о причинах сходств, о сословных значимостях горских тамг (за исключением частично коснувшихся этой темы Е. Т. Соловьева, Е. Д. Фелицына, Н. А. Караулова, Улап Мустафы), то работа первого советского исследователя горских тамг В. П. Пожидаева стоит особняком. Он создал целенаправленный и обширный очерк «Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент» [204].

Но, несмотря на заслуги этих трудов, на наш взгляд, В. П. Пожидаев явно преувеличивал историко-культурное значение кавказских тамг, полагая «выяснить смысловое значение» [204, с. 242] знаков и одновременно считая часть их тотемными знаками. В. П. Пожидаев далее считал, что кавказские тамги вместе с сарматскими знаками Северного Причерноморья «положили начало глаголическому алфавиту древних славян» [204, с. 243].

Выступая против концепции В. П. Пожидаева, в 1930 г. И. И. Мещанинов отрицал возможность кавказского происхождения сарматских знаков и сводил их к графике «тотемических ячеек» [160, с. 86].

Далее последовали публикации Б. А. Калоева [95], обнаружившего около 50 знаков в Дигории, и около 40 в работах В. П. Невской и И. М. Шаманова [181, 182, 183, 184, 256].

Весьма дифференцированно подошла к изучению кавказских тамг исследователь Э. И. Соломоник, полагавшая невозможность кавказского происхождения сарматских знаков, но допускавшая при этом возможность происхождения «кабардинских тамг от сарматских» [217, с. 45].

Первое научное обширное описание обычаев, связанных с обрядом таврения у кабардинцев, дал Г. Х. Мамбетов [144, с. 149].

Большой вклад в сбор и изучение кавказских тамг сделан исследователем А. Ш. Джанибековым, чья коллекция в 52 ногайские тамги нами была зафиксирована в архиве Дагестанского научно-исследовательского института им. Г. Цадасы [263].

Солидное количество балкарских тамг было опубликовано А. И. Мусукаевым.

Самое большое исследование по истории абазинских тамг в сегодняшней литературе собрано и опубликовано Ш. Ш. Хурановым — 336 знаков [244].

Работа его выгодно отличается от предыдущих тем, что автор не ограничился научным описанием абазинских тамг с аспекта лишь абазинской истории, а в предлагаемой таблице предусмотрел графы, дающие возможность знать их аналогии у соседей: абхазов, ногайцев, туркмен, карачаевцев. Общность графических тамг, приведенных Ш. Ш. Хурановым, с тамгами адыгских народов является дополнительным свидетельством единства этнической истории *абазин*, адыгов и абхазов. Работа Ш. Ш. Хуранова является первой публикацией, пытавшейся установить дотюркское название (абазинское) тамги, «известны случаи исконных слов замены тюркизмами» [244]. Далее автор предполагает, что «словом, обозначающим тамгу» у абазин было «дзарна» [244].

В работе Ш. Ш. Хуранова имеются интересные сведения о традициях пользования тамгами у абазин, приводится таблица тамг, локализованная по конкретным населенным пунктам Карачаево-Черкесии.

Из всех видов научных публикаций по кавказским тамгам самой фундаментальной по объему по сей день является работа профессора Л. И. Лаврова. В ней Лавров исследовал все работы, предшествовавшие 1978 г., и для анализа собрал огромный каталог тамг — до 1384 знаков, самый большой в литературе советского периода.

Лавров, в отличие от предыдущих авторов, дал первое объяснение ареала «кавказских тамг» [127], предположив наличие его связи с «историей территориального распространения на Кавказе табунного коневодства» [127, с. 103].

Вторая заслуга известного кавказоведа состоит в том, что он первый предложил рассмотреть тамги не только как знак

собственности, но и более широко. При этом выявил следующие ее функции:

а) тамга как «производственное клеймо» [127, с. 103] - когда владелец занимался улучшением породы и выводил свою породу;

б) тамга как «подпись или печать» [127, с. 103] — когда ее ставят на дверях кунацкой или под документом;

в) тамга, выполняющая «роль герба» [127, с. 103] — когда ее ставили на знамя или же когда высекали на могильном памятнике.

Появление тамги в эпоху господства родового строя Лавров считает малообоснованным, но, касаясь значения тамги в родственном аспекте, он объясняет, что «знак собственности, общий для всей фамилии, с течением времени становился графическим символом ее, т. е. гербом. Поэтому, когда родственные семьи вместо общего трафарета обзаводились отдельными, то в таких случаях последние, как правило, оказывались либо одинаковыми по форме, либо отличались один от другого только деталями. Сходство тамг должно было подчеркивать принадлежность их владельцев к общему родственному кругу» [127, с. 104].

Видоизменение тамги в его научном очерке прослеживается и на фоне эволюции рода с пояснением, что «фамильная тамга позволяла различать скот отдельных семей данной фамилии и могла быть заменена семейной тамгой, если внутрифамильные связи ослабевали [127, с. 104]. Далее Лавров объяснил причины совпадения формы тамг «у совершенно разных фамилий, даже у родственных народов» [127, с. 104] четырьмя причинами. Это, во-первых, случайность, особенно, когда речь идет о знаках, представлявших собой простейшие геометрические фигуры; во-вторых, то, что нередко зависимые сословия пользовались «тамгой своего владельца» [127, с. 104]; в-третьих, после смерти последних их тамгу присваивала другая фамилия; в-четвертых, совпадение тамг могло указать на их общее происхождение, «хотя родственные связи между ними утрачены» [127, с. 104].

Процессы частичных ассимиляций, зафиксированные в тамгах, не выпали из поля зрения Лаврова; относительно сходства некоторых кавказских тамг с ногайскими и крымскими тамгами он писал, что «часть из обладателей подобных тамг действительно происходила от нагайцев или татар» [127, с. 108]. Аналогичную связь закономерно он усматривает в исторической общности родственных племен адыгов, абхазов, абазин. Здесь он занимает позицию, противоположную И. И. Мещанинову,

писавшему, что сравнение тамг «ничего не дает» [127, с. 107]. Допуская элемент случайности в совпадении линейных знаков разных племен и районов, тем не менее Лавров сходство горско-кавказских тамг с сарматскими и боспорскими знаками считает элементом «культурной преемственности» [127, с. 108], что отрицается В. С. Драчуком. Лавров в своем исследовании пошел дальше других ученых и вполне аргументировано считает, что есть основание утверждать «наличие генетической связи некоторых тамг с сарматскими знаками и с ногайско-татарско-среднеазиатскими тамгами и руническими знаками письменности» [127, с. 108].

Часть исследователей пыталась до Лаврова объяснить смысловое значение тамговых знаков, делая акцент на религиозно-тотемическую сторону. Лавров же, признавая возможность наличия в них «религиозно-магического символа» [127, с. 103], объективно заметил, что у большинства тамг смысл рисунка «невозможно определить без риска перейти границы разумного» [127, с. 103]. Кроме того, он сделал важный научный анализ, в итоге которого пришел к выводу о том, что они представляют собой вариации примерно одного и того же комплекса исходных фигур: круга, лиры, дуги, подобия буквы «П»... Такой комплекс фигур у разных горских народов от Абхазии до Чечни встречается почти в одинаковых пропорциях. Лавров в этом справедливо усматривает «результат тесных и длительных взаимосвязей, существовавших у разноязычного населения Кавказа, а в ряде случаев и взаимной ассимиляции» [127, с. 107].

Важным выводом, сделанным Лавровым, является то, что, по его словам, тамги могут «играть роль существенного исторического источника» [127, с. 106].

Недостатком же работы Лаврова является неточность в написании 13 фамилий.

Большую работу о древних знаках Карачая опубликовал кандидат исторических наук С. Я. Байчоров. Данный труд является свидетельством того, что тамги являлись и символами гражданского статуса для проживания в данном конкретном пункте, о чем свидетельствуют конкретные каменные таблицы фамильных тамг [22].

Очень удачно исследовательскую ценность тамг определил кандидат исторических наук В. М. Батчаев, назвавший их «перспективным материалом для исторического анализа» [28, с. 62].

В противовес Драчуку, отрицавшему генетическую связь кавказских тамг с сарматскими и объявлявшему эти сходства «случайными, конвергентными» [28, с. 62], Батчаев аргументирует научно-историческим фактом, доказывающим, что именно «группы сармато-аланского этноса составили в свое время один из основополагающих

компонентов в формировании не только ираноязычной осетинской народности, но и целого ряда других кавказских народов, в том числе адыгов и балкаро-карачаевцев» [28, с. 62].

Данная автором небольшая таблица сравнения сарматских знаков с балкаро-карачаевскими тамгами и рассмотрение их на фоне остальных горских тамг дают понять, что случайное сходство здесь минимальное. Отдавая дань научной объективности, В. М. Батчаев пишет о «недопустимости и обратной крайности, предполагающей генезис всей совокупности кавказских знаков только от сармато-аланских» [28, с. 62].

Предлагаемая нами работа является итогом полевых работ в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, изучения архивных материалов городов Нальчика, Орджоникидзе, Ставрополя, Черкесска, Майкопа, а также всей предшествующей литературы.

В работе делается попытка рассмотреть горские тамги с нестандартных в исследовательском смысле аспектов: показать в них этногенез народов; сословно-политические, политико-династические отношения; обряды и пищу, связанные с актом таврения.

В отличие от Лаврова, избравшего геометрический принцип составления каталога тамг, мы предпочли алфавитно-фамильный принцип, поскольку именно этот порядок удобен при рассмотрении этнических и патронимических связей.

Глава I

ТАМГИ И ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ЭТНОГЕНЕЗ АДЫГОВ, АБХАЗ И АБАЗИН

Историко-этническая общность, этногенез адыгов, абазин, абхазов нередко являлись предметом исследования ряда авторов: Ш. Д. Инал-Ипа, Л. И. Лаврова, Е. П. Алексеевой, Ц. Н. Бжания, Ч. Н. Анчабадзе, И. Х. Калмыкова и др. Эти авторы создали ряд интересных работ, аргументированных стабильными данными археологии и этнографии. Ш. Д. Инал-Ипа, Ц. Н. Бжания, Л. И. Лавров нашли дополнительные средства доказательств в этом вопросе - обратились с этой целью к тамгам этих народов.

Хотя проблема эта достаточно продвинута, здесь еще сохранилось большое поле деятельности. Попытки использовать для разрешения некоторых этнографических вопросов «памятники изобразительного и орнаментального искусства» [56, с. 7] уже практиковались в исследовательской методике советской этнографии. Относились они к разным ареалам: народам Севера, Средней Азии и, наконец, Северного Кавказа. Данная же работа является попыткой изучения структуры этногенеза адыго-абазо-абхазского этнографического региона, опираясь на фамильные тамги этих народов. В работе [104] профессора Дж. Н. Кокова дается список фамильных параллелей у этих народов. Историко-этническая общность, которую мы здесь имеем в виду, более подробно расшифрована в трактовке А. Н. Соловьева и выглядит как «абхазо-адыгейско-черкесско-кабардинская общность» [156, с. 22].

Археолого-этнографические сопоставления по этим народам убеждают нас в том, что в течение длительного периода здесь имело место множество этнических процессов, характерных для близкородственных племен: межэтническая интеграция, межэтническая миграция, межэтническая консолидация, внутриэтническая консолидация [36, с. 28]. Можно с уверенностью сказать, что эти процессы с древнейших времен с разными интервалами продолжались вплоть до второй половины XIX в. По сей день можно встретить адыгов, в чьих семьях помнят об абхазском происхождении. В Кабардино-Балкарии это относится прежде всего к Зольскому и

Баксанскому району. Эту связь профессор Ш. Д. Инал-Ипа охарактеризовал как группу, находящуюся «в наиболее тесных территориальных, антропологических, этнокультурных взаимоотношениях именно с кабардинской частью адыгского населения» [85, с. 69].

В вопросе миграции абазин, которые составляли «в историческом прошлом часть абхазской этнической группы» [85, с. 69], в научной литературе указываются конкретные вехи. Например, по датировке Е. П. Алексеевой, временем проникновения «предков абазин на Северный Кавказ» являются «еще VII—XII вв.» [60, с. 71], а начало массового переселения она датирует XIII—XIV вв. Ш. Д. Инал-Ипа указывает на XIV—XV вв., XVII — по датировке Л. Я. Люлье.

На наш взгляд, правильную мысль о времени переселения абазин указывал Я. А. Федоров, солидарный в этом с Е. П. Алексеевой. «Абазинцы переселялись на Северный Кавказ из Причерноморья в течение многих десятилетий. Первые сведения об абазинах на северных склонах Кавказа относятся к рубежу XII—XIV вв.» [235, с. 99]. При этом в ходе дальнейшего очеркивания части абазин они вливались во многие адыгские племена: от черноморских шапсугов до кабардинцев.

Этнические процессы никогда не бывают явлениями одностороннего направления. По словам профессора Б. Х. Балкарова, «переселение самих кабардинцев за Кубань и начало образования закубанских черкесов, или кабардинцев, относится к концу XVIII века» [23, с. 13].

Говоря об особой родственной близости между двумя адыгскими племенами — кабардинцами и бесланевцами, на наш взгляд, профессор Б. Х. Балкаров прав, когда пишет, что «бесланевцы — одно из кабардинских племен, которые не последовали за основной массой в предгорье Кавказа и остались в древних местах поселения кабардинцев» [23, с. 6]. Подтверждение сказанному можно найти в документах кабардино-русских отношений, где в деле за 1747 г. словами кабардинского князя Кургокина Бамата сказано о родстве этих племен: «Родственники — одного отца дети и жили все вместе... и по умножению до нашего народа в здешних местах стало жить тесно; к тому же между собой имели ссору и по той же причине разделились... Бесланей пошел за Кубань... и яко де родственники наши непресчастно к нам в Кабарду и мы к ним ездим...» [89, с. 140].

В этом сообщении много реального, и мы имеем факт обычного раскола средневекового феодального рода на

отдельные линии, а точнее княжеских уделов по причине распрей и территориальных притязаний.

При этом продолжали поддерживаться родственные отношения. Беслан явился этноархом — родоначальником одноименного адыгского племени бесланевцев, а доказательством его древнего родства с главной кабардинской княжеской линией Атажукиных является то, что вплоть до начала XX в. княжеские роды Беслановы и Атажукины пользовались одним тавром.

Далее, одним из подтверждений правомерности мнения Б. Х. Балкарова о том, что кабардинцы поселялись на Кубани во второй половине XVIII в., на наш взгляд, является документ XVIII в. [130, с. 143], где сообщается факт переселения кабардинского князя Хаджи Темрюка Атажукина со своими людьми на реку Инжидж (Зеленчук.— Х. Я.).

Последние массовые переселения кабардинцев за Кубань приходятся на первую половину XIX в., когда из-за систематически жестоких колонизаторских репрессий царских генералов, в ходе которых была «разорена и рассеяна почти вся Кабарда» [87, с. 228]. Эти кабардинцы, получившие в литературе исторически неверное название «беглые», вместе с частью уцелевших бесланевцев составляют сегодня ту этническую группу адыгов Карачаево-Черкесии, известную ныне под названием «черкесы».

А в Адыгее потомками этих же кабардинцев являются жители четырех сел: Кошехабль, Уляп, Блеченсин и Ходз.

Согласно другому исследователю, Ф. Леонтовичу, «князья темиргоевские, гетукаевские (хатукаевские — Х. Я.) и бжедугские считаются происходящими от Инал-Кеса и родными владетельными князьями Абхазии и Кабарды» [136, с. 189]. Другими словами, кабардинский и западно-адыгский феодальный этноарх Инал одинаково почитался у адыгов, у абхазов и, следовательно, у абазин, что практически возможно лишь при наличии длительного исторически единого самосознания у большого этноса.

И. Х. Калмыков пишет: «Несмотря на то, что абазинцы имели и имеют свое самоназвание, они продолжают себя относить к адыгам. Современный абазин, чтобы узнать у своего собеседника его национальность, обычно спрашивает: «Уадыгъума?» (Ты адыг?) [93, с. 23]. Профессор Ш. Д. Инал-Ипа этот факт объясняет так: «[Предполагают, в древности абхазо-черкесские племена иногда выступали] под одним общим названием, может быть, ввиду того, что не были еще дифференцированы на выделившиеся собственно абазинские и черкесские племена. И, по-видимому, общим самоназванием для абхазо-черкесских племен в древности

было слово «адыгэ» [93, с. 23].

Большие изменения в локализации горских народов, как известно, произошли в XIX в. в связи с колониальной политикой царизма. Так, например, в 1866 г. «многие семьи абазин-шкаровцев оказались разбросанными по адыгским селам». Так, в Ульском ауле проживали 27 семей кизилбековцев, 21 — баракаевцев, 11 — шахгериевцев, 7 семей башильбаевцев. В аулах Майкопского уезда в 1883 г. насчитывалось 119 семей абазин-шкаровцев. [58, с. 31]. А по сведениям за 1865—1872 гг., часть абазин проживала по-прежнему в Кабардинском округе: аулах Кармова, Лафишева и Ашабова. Аул Ашабова слился с аулами Трамова и Аджиева, и в итоге образовался один аул. В эти аулы в 1864 г. «были расселены жители абазинского Песчаного аула Пятигорского уезда по пять семей каждый» [58, с. 31], Мало того, «большая часть джантемировцев переселилась в Кабарду» [58, с. 31]. При этом вполне естественно шло сильное разрушение «родоплеменных связей». Например, по статистическим данным 1877 г., в Кубанской области «из 85 аулов не было ни одного населенного одним племенем. В ауле Кошехабль Майкопского уезда из 1485 жителей кабардинцев было 933, абадзехов—181, абазин—216, ногойцев—27, бесланеевцев—115, махочевцев—8, шапсугов—5, в ауле Хатажукаевском из 2470 жителей кабардинцев насчитывалось 51, абадзехов—734, бжедугов—4 (но двора), ногойцев—43, темиргоевцев—1453, хатукаевцев—20, шапсугов—150, махочевцев—50, бесланеевцев—8» [226, с. 109]. Слова П. М. Багова: «Можно утверждать, что в образовании кабардинского этноса участвовали представители многих племен и народов, в частности, ашхарцев» [21, с. 193] — следует относить к большинству остальных абазинских племен, которые в той или иной мере были ассимилированы как кабардинцами, так и остальными адыгскими племенами. Типичным историческим примером является абазинское племя шкарауовцев, которых относят к «полностью исчезнувшим аулам горных абазин 60-х годов XIX века» [77, с. 164]. По аналогичной причине «до настоящего времени определенная часть жителей села Нижний Куркужин Баксанского района

КБАССР свое родословие возводит к абазинам, считая себя выходцами из аула Ло Карачаево-Черкесии» [21, с. 193].

Весьма своеобразную, сложную структуру этнических и сословных взаимоотношений внутри адыго-абхазского ареала, на наш взгляд, обусловившую сходство многих тамг, описала Н. Г. Волкова: «...адамиевцы до начала XIX в. находились в зависимости от темиргоевцев. После эпидемии чумы численность адамиевцев значительно уменьшилась; притесняемые соседними адыгами, они вынуждены были перейти на земли бесланеевцев по р. Уруп, которым и стали подвластны. В таком же положении в первой половине XIX в. были махоши, жившие на землях бесланеевцев... В зависимости от темиргоевцев были группы хатукаевцев и бжедугов, переселившиеся на темиргоевские земли из-за малоземелья... В политической зависимости от убыхов находились садзы» [45, с. 172]. Далее она упоминает конкретных владельцев: «В зависимости от бесланеевских князей Кануковых и Шолоховых были северокавказские абазины башильбаевцы и баракиевцы. Кроме того, башильбаевцы признавали также власть абхазских князей Маршанна, а баракаевцы — первостепенных шапсугских узденей Лах и Анчок, вступивших в родство с Даурами одной из влиятельных абадзехских фамилий» [45, с. 174].

Хотя в плане изучения этногенеза этих народов существует масса хороших статей, нам кажется, что не уделено должного внимания сообщениям персидского историка Шериф ад-дин Иезди, сопровождавшего Тимура в походах. «Когда мысли Тимура успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со своими подобными небу войсками повернул к горе Эльбрус. В намерении покорить неверных, знамя мир завоевывающее, направилось на Буриберды и Бурукана, который был правителем народа асов (алан)» [240, с. 63], — писал он. По мнению Т. А. Хамицаевой, здесь речь идет об осетинах, и далее она же, ссылаясь на грузинского историка XVIII в. Вахушти, решает подтвердить свои доводы: «Во время походов Чингизхановых хаканов разорились и опустошились города и строения от овсов и царство овсов превратилось в мтаварство, и овсы стали убегать внутрь Кавказа, а большая часть их страны превратилась в пустыню... с тех пор Овсетия стала называться Черкесией или Кабардой». [73, с. 244]. Мнение Т. А. Хамицаевой нам кажется субъективным. Мы не отрицаем возможность существования аланских полководцев с такими именами, но все же вероятнее предположить, что под этими именами подразумевались абазинские эпонимы Биберд и Борукай — возможные родоначальники абазинских племен: бибердовцев и барукаевцев. Факты превращения антропонима в этноним общеизвестны. Беслан—бесланеевцы, Кабард — кабардинцы, Камург — темиргоевцы, Ноха — ногойцы,

Некрасов — некрасовцы и т. д. Если персидский историк, для которого Северный Кавказ всего лишь эпизод из походов, при которых он мог назвать неточно асами абазин (овсов), то у Вахушти нет в тексте ни одной ошибки: «хакан, Чингисиды, Черкесия, Кабарда, мтаврия». Если б речь шла об осетинах, то Вахушти назвал бы их грузинским названием «оси», а не «овсы».

Эти сообщения ценны для нас тем, что они дают сведения об абазинах, некогда представлявших собой мощную военнополитическую силу, способную выступить против орд чингисидов, и о том, что они были конкретными союзниками родственных адыгов, когда «противодействие черкесов не позволяло Золотой Орде распространить свои владения далеко на юг вдоль берега Черного моря» [73, с. 244]. Исходя из сказанного выше, вероятнее всего под словом «черкесы» здесь надо понимать единый адыго-абхазоабазинский союз.

Дж. Н. Коков находит в Зольском и Баксанском районах республики ряд фамилий, имеющих «абхазо-абазинскую природу» [104, с. 9], куда он относит такие фамилии, как Абазе (Абазов), Багъ (Багов), Ныр (Ныров), Дыджэ (Дыгов). Данным автором составлен список кабардино-черкесских фамилий, «распространенных в КБАССР, КЧАО и ААО» [104, с. 9]. В адыгской, абазинской среде Ш. Д. Инал-Ипа нашел «ряд родоплеменных имен и названий, общность которых может быть установлена с большей или меньшей долей вероятности. Например: Ажиевы (абх.: Жиба), Ашабовы (абх.: Ашба), Ашибоковы (абх.: Ашуба), Азапшевы (абх.: Дзапш-ипа), Бгажноковы (абх.: Бгажба)» [104, с. 9].

В статье автор насчитывает 16 аналогичных фамилий. Другими словами, в формировании, например, «кабардинского этноса участвовали представители многих народов и племен, которые растворились в его среде, оставили о себе память в языке в виде этнонимов» [21, с. 191].

Сказанное здесь относится прежде всего к родственным адыгским, абхазским, абазинским племенам, при этом, естественно, подразумевая и элементы всех остальных соседних народов, с которыми адыги соприкасались в ходе своей этноэволюции. Аналогичным образом и некая часть адыго-абхазо-абазин ассимилирована и соседями.

На основе нашего материала кабардинские антропонимы этнонимического происхождения можно разделить на два пласта:

западноадыгский:	Абадзеховы,	Бжедуговы,
Шапсуговы,	Жановы,	Махошевы,
Бесланевы,	Темиргоевы,	Хатукаевы,
Мамхеговы,	Убыховы;	
абхазо-абазинский:	Трамовы,	Клычевы,
	Абазовы,	

Абазоковы, Мидовы, Маршанокковы, Борукаевы, Шикхаро, Гоовы, Локовы, Баговы, Шадзовы, Жантемировы, Шачевы, Органовы. Данные ономастики оказывают здесь нам услугу, «расшифровывая племенной состав переселенцев» [21, с. 192].

Как известно, среди массы информации, фиксируемых языком, имеет место и этноархитектурная специфика, необычная для данного племени, но характерная для соседнего. По сообщениям исследователя Л. Х. Акаба, в домашней архитектуре Абхазии бытовал вид дома в ширину, а не в длину, называемый «апсуавны» [248, с. 168]. Этот термин абсолютно созвучен кабардинскому фамильному имени Абзыуан (Абезыванов), бывшего владельца аула Абзыуанхъэблэ.

Смысл перевода слова «апсуавны» с абхазского «абхазский дом» идентичен переводу этого слова с кабардинского «кабазэунэ» — «абазинский (абхазский) дом». К тому же фамильная тамга кабардинцев Абезывановых очень близка к тамгам известных в Абхазии в прошлом фамилий: Аган-Ипа, Апсхе, Маршани и т. д. На Северо-Кавказском ареале прошлого подобный «верхушечный характер» [45, с. 136] переселения — явление довольно типичное.

Таким образом, мы склонны относить указанное фамильное имя к разряду фамилий этнонимической структуры таких, как, например: Къущхъэунэ — Кушхаунов («осетинский дом») — в языке кабардинцев Терского района КБАССР, бывшая Малая Кабарда, «балкарский дом» — в языке остальных районов КБАССР), Адыгэунэ — Адыгаунов — «адыгский (черкесский) дом».

Диапазон миграции абазин, абхазов, западных адыгов, например, в Кабарду был разнообразен: от отдельных лиц, семей, фамилий до целого аула. Пример последнего имел место в 1828 году, когда кабардинский князь Мисост Атажукин подарил отцу абазинского владельца Кучука Лафишева небольшой участок «на правом берегу Малки, где тот поселился со своим аулом» [123, с. 56].

Этот факт, вероятно, является одним из отголосков того времени, когда часть абазин во главе со своим феодалом по политическим соображениям поселялась поближе к своим кабардинским покровителям.

Удержанию абазин в пределах Кабарды способствовала и сама политика царизма, полагавшая такими мерами рассеять воинственных горцев подальше от театра военных действий. Например, после разрушения большого вольного аула Грам 4 мая 1818 г. оставшиеся в живых абазины поселились в Кабарде. И генерал П. А. Ермолов рекомендовал по этому поводу правителю Кабарды, чтобы абазины «остались жить в Кабарде» [206, с. 37].

Единичных представителей потомков абазин, абхазов

практически можно обнаружить почти в каждом селе Черкесии, Адыгеи и Кабарды. Но в последней эта миграция больше всех повлияла на селения современного Зольского района, что объясняется смежностью территории.

Касаясь статистической стороны, уместно упомянуть, что Дж. Н. Коков в своем исследовании [104] насчитывает около 265 фамилий, имеющих в комплексе адыго-абхазо-абазинскую природу. Как известно, «наличие общефамильного знака собственности — тамги (дамыгъэ) — также одна из черт патронимических связей и свидетельство тесных хозяйственных контактов патронимии в прошлом» [58, с. 119]. На наш взгляд, из всей массы сопоставляемых научных материалов самым стойким документом, в котором «исторически закреплено клановое значение адыгских и других северокавказских фамилий» [104, с. 7], является фамильная тамга, носящая общее название «дэмыгъэ» у кабардинцев, «тамыгъэ» у адыгейцев, «дамыгъэ» у абазин, «адамгъ» у абхазов.

Сравнивая материальную культуру этих народов, трудно найти даже практическую разницу как в обряде таврения, так и в правилах пользования этим документом. На эту информативную стойкость мы и делали ставку в ходе наших изысканий. Фамилия покидала квартал, аул, племя, родину, но сквозь столетия она проносила рисунок фамильного знака.

О почитании его бытовала кабардинская пословица: «Дэмыгъэм л1ыгъэ и1эщ» (Тамга честью владеет).

Рассматривая тамги одинаковых фамилий, невозможно не заметить их генетическое родство, несмотря на значительные изменения, которыми пользовались издавна. Суть этих изменений, как правило, заключалась в следующих вариантах: ужесточение или размягчение геометрического контура, понижение относительной высоты рисунка или, наоборот, — вытягивание по высоте, нарушение симметрии или

асимметрии, правосторонняя или левосторонняя подача знака, перевернутое сверху вниз изображение знака и т. д.

Другими словами, в изображении тамги, встречающейся в одной патронимии расселенных в разных родственных племенах (и в неродственных тоже, но с меньшей вероятностью), практиковались те же вариации рисунка тамги, которые бытовали внутри одной и той же семьи при мечении собственности отдельных братьев.

Единичных представителей потомков абазин и абхазов практически можно найти почти в каждом селе Кабарды, Черкесии, Адыгеи. Их миграция частично прослеживается по официальным документам. В Кабарде, согласно архивным

документам 1866 г.¹, она коснулась аулов, располагавшихся в долинах рек Малки, Баксана, что объясняется сопредельностью территории.

Классическим образцом тамгового свидетельства этнокультурного единства адыго-абхазо-абазин является, например, тамга фамилии Хатыжуковых (Хьэтыжыкьуэ), получившая позже свои локальные варианты русского правописания: Хатажуковы (Хьэтэжыкьуэ) — сел. Сармаково, Баксаненок; Шордакова; Хатщуковы (Хьэтщыкьуэ) — сел. Куба, Псыхурей. Исходя из сходства тамг, фамилии и фамильных преданий, можно с уверенностью сказать, что вместе с бесланеевцами Хатазуковыми, абазинами Хачуковыми, шапсугами Хатишок, а также абхазами Хатажыква, чья тамга нами пока не выявлена, все они некогда составляли один род, расселившийся позже внутри адыго-абхазо-абазинского региона.

Длительный водоворот миграционных явлений адыго-абхазо-абазин не мог миновать соседние народы, и вполне естественным их результатом является «присутствие ала некого, тюркского элемента» [23, с. 4] — представителей осетинского, карачаевского, балкарского, кумыкского, ногайского этносов.

Ниже предлагается каталог тамг адыго-абхазо-абазинских фамильных параллелей

1. ЦГА КБАССР; ф. 2, оп. 1, ед. хр. 802, 1866—1867 г. Управление кабардинского округа. Дело расселения жителей абазинского поселка в Большую Кабарду начато 16 / VI — 1866 г., окончено 25 / XI — 1867 г.

 абаз.: Беданоко
 каб.: Биданоко
 балк.: Бединоков
 каб.: Бжахоко
 бжд.: Бжегоко
 абаз.: Бекхан
 бесл.: Бекан
 каб.: Бешказоко
 черк.: Бешкизако
 абаз.: Блинау
 каб.: Бленау
 абаз.: Гедмиш
 каб.: Гедмишх
 каб.: Гунжафо
 черк.: Гумжачо
 каб.: Джанбе
 черк.: Джамбе

 абаз.: Джанаби
 каб.: Джаманби
 кар.: Жандыбай
 абаз.: Джаманбай
 абаз.: Джегутан
 кар.: Джуджугтан
 черк.: Джегутан
 каб.: Дударов
 абаз.: Дударуков
 ног.: Есней
 каб.: Есаней
 абаз.: Асанай
 бесл.: Есаней
 каб.: Жандыбек
 черк.: Жанбек
 каб.: Жаноко
 балк.: Жаноко

 каб.: Абаев
 кар.: Абаев
 каб.: Абезыванов
 черк.: Абезыванов
 каб.: Абидов
 абаз.: Абитов
 каб.: Абуков
 абаз.: Абуков
 черк.: Абуков
 абх.: Агрба
 абаз.: Агирбов
 абаз.: Ажиев
 каб.: Ажиев
 кар.: Аджнев

 каб.: Азашев
 абх.: Дзяпш-Ипа
 каб.: Аргашоко
 абаз.: Аргашоко
 каб.: Асланов
 черк.: Асланов
 каб.: Астемир
 черк.: Астемир
 каб.: Атласкер
 кар.: Атласкер
 каб.: Ашабоко
 абаз.: Ашибоко
 абх.: Ашба
 черк.: Бжеумых
 каб.: Бжеумых

Жанэ	адыг.: Жанэ
Жаноко	каб.: Жаноко
Жанхот	каб.: Жанхот
Жанхот	балк.: Жанхот
Жерешти	каб.: Жерешти
Жеришти	абаз.: Жеришти
Джарашди	кар.: Джарашди
Дзагашта	каб.: Дзагашта
Загат	абаз.: Загат
Загат	черк.: Загат
Заурум	абаз.: Заурум
Маршания	абх.: Маршания
Заурумкъу	темирг.: Заурумкъу
Зрум	каб.: Зрум
Зурум	осет.: Зурум
Иуан	каб.: Иуан
Ион	абаз.: Ион

Қазан	абаз.: Қазан
Қазан	каб.: Қазан
Қазаноко	бжед.: Қазаноко
Қазаноко	каб.: Қазаноко
Қазанч	кум.: Қазанч
Қазанч	каб.: Қазанч
Қакупш	абаз.: Қакупш
Хакупш	каб.: Хакупш
Қамыз	каб.: Қамыз
Қмыз	абаз.: Қмыз
Қамыз	каб.: Қамыз
Қмыз	абаз.: Қмыз
Қамби	абаз.: Қамби
Қамби	каб.: Қамби
Қамби	каб.: Қамби
Қамби	каб.: Қамби
Қандроко	черк.: Қандроко
Қандроко	каб.: Қандроко

Кармызоко	ног.: Кармызоко
Карамызок	бесл.: Карамызок
Кардан	абаз.: Кардан
Кардан	адыг.: Кардан
Карма	абаз.: Карма
Карма	каб.: Карма
Катган	бесл.: Катган
Катхан	каб.: Катхан
Келемет	черк.: Келемет
Кемет	абаз.: Кемет
Кулов	каб.: Кулов
Кулов	абаз.: Кулов
Кумук	каб.: Кумук
Кумук	кар.: Кумук
Курашин	абаз.: Курашин
Курачин	каб.: Курачин

Крымшамхал	кар.: Крымшамхал
Крымшокал	каб.: Крымшокал
Куржи	каб.: Куржи
Куржи	абаз.: Куржи
Куши-Ипа	абх.: Куши-Ипа
Кушья-Ипа	абаз.: Кушья-Ипа
Лий	абаз.: Лий
Лий	каб.: Лий
Лафиш	каб.: Лафиш
Лафиш	абаз.: Лафиш
Маз	абаз.: Маз
Мазуко	каб.: Мазуко
Мамай	балк.: Мамай
Мамай	карач.: Мамай
Мамхег	абаз.: Мамхег
Мамхег	абадз.: Мамхег
Мамхег	каб.: Мамхег

Маргуш	каб.: Маргуш
Маргуш	черк.: Маргуш
Маршан	абх.: Маршан
Маршан	каб.: Маршан
Мафедз	мах.: Мафедз
Мафедз	каб.: Мафедз
Мекер	абаз.: Мекер
Мякар	квр.: Мякар
Муран	абаз.: Муран
Муран	кар.: Муран
Ныр	абаз.: Ныр
Ныр	каб.: Ныр
Озов	абаз.: Озов
Озов	каб.: Озов
Ордоко	адыг.: Ордоко
Ордоко	черк.: Ордоко
Паз	каб.: Паз

Паз	абаз.: Паз
Санашоко	каб.: Санашоко
Санашоко	бесл.: Санашоко
Саров	балк.: Саров
Саров	кар.: Саров
Симх	абаз.: Симх
Симах	каб.: Симах
Махоши	махош.: Махоши
Туг	абаз.: Туг
Туг	абадз.: Туг
Туған	ног.: Туған
Тоганок	бесл.: Тоганок
Гурзёр	каб.: Гурзёр
Гургнев	осет.: Гургнев
Токбей	каб.: Токбей
Токбей	черк.: Токбей
Трам	абаз.: Трам
Трам	каб.: Трам
Трам	балк.: Трам

кар:	Трам
каб:	Хагундоюю
черк:	Хагундоюю
каб:	Хакул
балк:	Хакул
каб:	Хасанов
абаз:	Хасанов
абаз:	Хатко
абаз:	Хатко
абаз:	Карабаш
кар:	Карабаш
каб:	Хатукай
черк:	Хатукай
каб:	Хатыжук
абаз:	Хачук
бесл:	Хатазук
каб:	Хуби

кар:	Хуби
абаз:	Хуби
абаз:	Хуран
каб:	Хуран
кар:	Хут
абаз:	Хут
каб:	Шабазгери
черк:	Шабазгери
черк:	Шаниба
абаз:	Шаниба
каб:	Шао
темир:	Шао
каб:	Шармат
абаз:	Шермет
черк:	Шермет
каб:	Шид
абаз:	Шид

каб:	Шинахо	каб:	Шурды
абаз:	Шинах	абаз:	Чуко
абаз:	Шовген	каб:	Шухо
каб:	Шоген	балк:	Миса
абаз:	Шоген	каб:	Мыса
бжд:	Шоуджен	бжд:	Пчих
абаз:	Шурдым	каб:	Тамб

ЭТНОГЕНЕЗ ОСЕТИН, БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Историко-этнографическую общность осетин, балкарцев и карачаевцев частично освещали в нашей литературе В. И. Абаев, В. Б. Ковалевская, Б. А. Калоев, Л. И. Лавров, Н. Г. Волкова, В. М. Батчаев. «Они (осетины, балкарцы и карачаевцы), по словам В. Б. Ковалевского, прошли разный путь, их объединяет не только соседство, связь глубже, она внутренняя, и корни ее уходят в доисторические времена» [275, с. 290].

Балкарцы и осетины-дигорцы «издавна занимают два непосредственно соседствующих ущелья Центрального Кавказа» [165, с. 78], и по сей день в разговорной речи, обращаясь к своему соплеменнику, и балкарец и карачаевец называют его «алан».

Говоря о сармато-аланском историко-генетическом слое в судьбе балкарцев и карачаевцев, кандидат исторических наук В. М. Батчаев пишет, что «не будет особым преувеличением предположить решающую роль аланского этноса в этногенезе балкарцев и формировании основ их материальной и духовной культуры» [28, с. 127].

Помимо многочисленных археолого-этнографических сопоставлений, свидетельствующих о генетическом родстве этих народов, сегодняшняя краеведческая литература позволяет выявить множество общих фамилий у этих народов. Часть этих фамилий по сей день помнит свое происхождение от исторически родственных соседей. Приведем несколько примеров. Так, балкарские фамилии Газаевы, Керменовы [172, с. 83] считаются родом из Осетии. Осетинскими по происхождению являются и другие балкарские фамилии: Атабиевы, Кобановы, Гузеевы, Кундуховы [44, с. 105], Глашевы, Гасиевы, Мусукаевы, Цораевы, Чочаевы, Мизиевы [44, с. 105], Гоценаевы (Хучинаевы), Кубадиевы. С другой стороны, ряд осетинских фамилий вышел некогда из балкарцев, например, Асановы, Баевы, Цалаевы, Базиевы, Гациевы, Нафиевы, Гулдиевы, Гацилаевы, Ортабаевы [44 с. 105], Мистуловы [44, с. 105]. Одним из «аспектов аланского этнокультурного наследия» [271, с. 289], способного осветить некоторые стороны этногенеза, на наш взгляд, являются своеобразные документы — именно фамильные тамги сравниваемых народов. Рисунки этих знаков широко были известны еще со времен скифо-сарматских культур. Кроме того, сходство кавказских, в частности адыгских, тамг с сарматскими знаками было замечено давно. В качестве сравнительного материала с аланской атрибуцией нами привлечена серия из 40 знаков, введенных в научный оборот публикациями О. В.

Милорадовича [275], С. А. Плетневой [199], Г. Е. Афанасьева [276], И. М. Чеченова [277]. Наиболее многочисленны в этой серии знаки, в основе которых лежит геометрическая форма круга, — 17 фигур. В тамговой системе балкаро-карачаевцев и осетин вариации этого мотива также составляют весьма представительную группу. Причем наибольшее число сходств приходится на такие фигуры, как концентрические круги, круг с перемычкой, круг с вписанным в него крестом. Но имеются и отличия. Например, такие дополнительные элементы, как крючок, короткая прямая линия, Т-образные или крестообразные фигуры, примыкающие к кругу с внутренней или внешней стороны, довольно обычны для тамг всех указанных народов, в то время как в используемой здесь аланской серии это явление отмечено только в одном случае. С другой стороны, скажем, зафиксированный на аланской керамике круг с несколькими точками внутри в целом, можно сказать, не характерен для этнографически известных знаков. Разумеется, такие отличия вовсе не говорят об отсутствии генетической связи.

Во-первых, они могли возникнуть уже в послеаланскую эпоху как результат длительной эволюции исходных форм. Во-вторых, малочисленность (или отсутствие) параллелей можно объяснить малочисленностью самого материала вообще, и прежде всего аланского.

Столь широкое распространение в тамговой и орнаментальной символике народов Кавказа фигуры круга, очевидно, не случайно. Возможно, это так или иначе было связано с определенным языческим культом. Наиболее популярная в научной литературе интерпретация круга предполагает самую непосредственную связь его с культом солнца. Такую трактовку этого знака — причем именно на аланском материале — выдвинул, например, Г. Е. Афанасьев [266, с. 130]. На наш взгляд, это вполне возможно. Во всяком случае, не исключены и другие направления поиска. Нелишне, в частности, обратить внимание на чрезвычайную популярность данной символики у горцев Северного Кавказа (да и не только у них) в качестве «оберега». Например, у балкаро-карачаевцев и кабардинцев вокруг упавшего человека на земле как можно быстрее старались очертить круг, призванный, по представлениям суеверных горцев, оградить пострадавшего от негативного вмешательства «нечистой силы». Что касается круга с вписанным крестом, то он мог отражать какие-то синкретические формы верований, скажем языческо-христианские. Интересно в этом отношении приводимое в работе И. Иванюкова и М. Ковалевского описание так называемой «присяги крестом», которое практиковалось в прошлом у балкарцев. «Начертан на земле круг, татарин (балкарец. — Х. Я.) острием своей палки проводит по нем крест-

накрест две черты и, став в середине круга, там где пересекаются линии, произносит клятвенное обещание сказать судьям правду» [281, с. 106].

Столь же часты довольно близкие (порой доходящие до тождества) параллели на примере фигур в виде прямоугольника, квадрата, ромба с вписанными в них дополнительными элементами — крестом, клеткой, перемычкой и т.д.

Семантику этих (как, впрочем, и многих других) знаков трудно определить «без риска перейти границы разумного» [127, с. 103]. С изрядной долей гипотетичности их можно, вслед за некоторыми другими исследователями, трактовать как символику, связанную с астральными или земледельческими культами — знаками-оберегами и пр. [280, с. 106]. Но в общем-то, конечно, вовсе не обязательно в любом знаке пытаться выявить некий «сокровенный» смысл, которого может попросту не быть.

Многочисленные знаки равноконечного («греческого») креста на аланской керамике изображены посредством либо двух простых пересекающихся линий (нарезных или рельефных), либо восьми коротких линий, соединенных попарно под прямым углом и взаиморасположенных таким образом, что пространство между четырьмя «угольниками» образует крест. В одном случае на концах такого креста имеются поперечные «перекладины» (см. с. 50). Разнообразны (хотя и не всегда идентичны с аланскими) формы крестов и в известном нам этнографическом материале.

Как в древности, так и в последние столетия изображения креста могли не иметь никакого отношения к христианству. На Кавказе этот знак известен еще с эпохи бронзы [281, с. 11]. Надо полагать, что в различных регионах Старого Света в древности этот знак осмысливался по-разному. На Кавказе его языческая символика оказалась настолько устойчивой во времени, что в характерных для последних столетий условиях религиозного синкретизма его изображения встречались порой в весьма курьезных сочетаниях. Например, на стенах некоторых мечетей Чечни были зафиксированы кресты с начертанными на них подписями «Аллах» и «Мухаммад» [282, с. 347].

Свастика одинаково типична для знаковой системы как алан, так и многих народов Кавказа. Вообще же этот знак имеет весьма широкое распространение и в пространстве и во времени: появившись еще в эпоху энеолита, в последующие тысячелетия он встречается уже практически во всех частях света [34, с. 74]. Это обстоятельство как будто не исключает и иное (не аланское) происхождение свастики в рассматриваемом случае. Здесь, однако, следует иметь в виду два немаловажных факта. Во-первых, время максимального распространения свастики на Северном Кавказе приходится на сармато-аланскую эпоху (хотя спорадически он

встречался и ранее) [8, с. 43]. Во-вторых, в пределах Старого Света он представлен десятками вариантов [285, с. 16], в то время как на Северном Кавказе и в аланскую эпоху, и в позднем средневековье он был известен лишь в 2—3 вариантах, сохранившихся без изменений вплоть до этнографической действительности.

Различные варианты трезубца, столь популярные в античную эпоху, в аланских материалах единичны. Но в этнографическом материале они по своему удельному весу, пожалуй, не уступают античным прототипам.

Можно полагать, что в распространении этого знака сарматы сыграли значительно большую роль, нежели аланы. И все-таки факт наличия трезубца на аланской керамике не приходится игнорировать — хотя бы как хронологически промежуточное звено.

Наряду с рассмотренными выше имеются и менее типичные знаки, встречающиеся в археолого-этнографическом материале спорадически. В аланской серии это, например, вертикальный прямоугольник неравными по длине продольными боковыми линиями, горизонтальный овал с поперечной перемычкой или разнovidность, в которой плавно изогнутые линии заменены прямыми углами, и т. д. Всем им можно подобрать более или менее близкие соответствия в этнографических сериях.

Определенное значение в аспекте рассматриваемой темы имеют также факты стилистического или абсолютного сходства тамг, этнографически фиксируемых у различных этнических групп Северного Кавказа — кабардинцев, балкарцев, осетин, карачаевцев и др. Подобрать их соответствия в аланском материале не всегда удастся. Тем не менее, не исключая в принципе интерпретацию их как следствие межэтнических связей последних 3—4 столетий, мы в то же время склонны допускать, что в определенной степени такие сходства (как и все рассмотренные выше) могут объясняться и наличием общего для указанных народов этнического компонента — аланского (об этом смотри в таблицах на с. 32—35).

ВЫВОДЫ

Фамильные тамги дают возможность проследить миграции семей, родов, племен как внутри данного этноса, так и за ее пределами.

Эти символы являлись структурной частью наследственной памяти коллектива. Этнографы, говоря об эстафете культурно-традиционных нюансов, часто называют четыре фактора: «...словесный, письменный, изобразительный и овеществленный» [260, с. 5].

Если учесть, что межпоколенная передача фамильной тамги непременно сопровождалась своеобразными аннотациями словесного, письменного (журналы тамг у некоторых

сельских старшин), изобразительного (рисунок самой тамги), овеществленного (сам железный трафарет), то нетрудно понять, что тамга классическим образом несла в себе все четыре вышеупомянутых компонента «межпоколенной передачи культуры» [260, с. 5].

Тамга—документальное явление исконно патронимической структуры. Число нами обнаруженных сходных тамг у одинаковых фамилий разных племен гораздо меньше фактически существовавших.

Во-первых, нередко, оказавшись в новой этнической среде, то есть при утрате принципа локальности, преследуемый род в целях безопасности был вынужден скрывать своя фамильную тамгу.

Во-вторых, из-за многих драматических событий прошлого часть лиц оказалась лишенной патронимической информации о родовом знаке, когда, например, братья селились в разных аулах.

В-третьих, иногда скрывали и тамгу, и фамилию. Вполне естественно, упомянутые варианты во многом зависели от сословно-политических факторов—вопрос был в том, какому сословию принадлежали эти лица.

Л. И. Лавров дает любопытное сообщение: «Один из представителей абхазской княжеской фамилии Ачба (Анчабадзе) уверял... что их род происходит от абазинских князей Лоовых» [132, с. 86]. Кстати сказать, исходя из наших данных, не поверить в общность происхождения этих фамилий трудно, поскольку вдобавок они еще и пользовались одинаковой тамгой.

Из сказанного следует, что в составе некоторой части разных фамилий, владевших одинаковой тамгой, доля случайности совпадения не так уже велика (хотя и она имела место). В таких случаях, вероятнее всего, речь шла о распавшихся ветвях некогда целой патронимии.

Глава II СОСЛОВНО-КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ТАМГ

Длительное противоречивое отношение между Крымом и адыгами обуславливалось экспансионистской политикой этого государства по отношению к народам Северного Кавказа, с одной стороны, и наличием влиятельной политической группы, династий и прокрымской ориентации — с другой.

Частые политические конфликты внутри Крыма заставляли ханов «еще в XVI в. создать из адыгов специальное военное поселение» [253, с. 114]. Использование ханами горского обычая аталычества в своих целях привело к тому, что часть адыгских феодалов «считала своим монопольным правом воспитание детей крымских ханов» [253, с. 114].

Широко практиковались и династические браки. Так, например, в 1616 г. «бесланеевский князь Хакегя назван шурином крымского хана» [285, с. 150], в 1725 г. «Росланбек Кайтукин отдал свою дочь за крымского хана Бахта-Гирея» [285, с. 151], первая жена хана Давлет-Гирея была дочерью «черкасского князя Тарзатыко» [287, с. 151]. Мать крымского хана Джанбек-Гирея была дочерью «бесланеевского князя Кануко» [285, с. 151].

Помимо сказанного, нередко тот или иной район адыгской земли становится «местом некоторых неудачных претендентов на крымский престол» [253, с. 114].

Так, например, в конце XVII — начале XVIII в. из-за конфликта «с правительницей Крымского ханства крымский царевич Султан Ислам-Гирей переселился в Адыгею» [130, с. 32].

Конечным итогом этого активного политико-династического контактирования Крыма с адыгами, «игравшими немаловажную роль в жизни этого государственного образования» [253, с. 114], явилось появление в адыгской среде особого сословного компонента — «султанов, гираев или ханов» [130, с. 18].

Поскольку адыги долго находились «в формальном подчинении у татар, территория Кабарды составляла татарскую область» [87, с. 85], то вряд ли частичную тюркизацию миновали определенные части горцев разных сословий. Но в данной работе мы имеем в виду лишь так называемое «впоследствии очеркесившееся» [9 с 22] «верхушечное переселение» [44]. Для роста удельного веса элементов крымского культурного слоя в среде адыгов важным фактором явился увод в 1641 г. «верховными князьями Кабарды Алигуко Шогенцуковичем, Хатокишуко Казиевичем... на Кубань

свое удельно зависимое население т е всю Большую Кабарду без Татлостанея» [288, с. 51]. Рассмотреть во взаимосвязи графических основ тамг фамилии знатных сословий, письменных источников, архивных данных эпиграфических памятников, фольклора — важная исследовательская задача.

В краеведческой литературе господствующей является гипотеза, согласно которой пришлость части адыгских феодалов является всего лишь идеологической уловкой правящих классов. В решении этого вопроса фамильные тамги адыгов могут послужить немалым подспорьем.

Графической основой фамильной тамги крымских ханов является прямоугольный трезубец, который, в зависимости от того, вверху или внизу находится средний отросток, легко превращается в двузубец.

Еще в 1907 г. Н. А. Караулов, изучавший балкарские тамги, заметил, что лирообразный знак острием вверх и разделенный симметрично продольной линией (см. третью тамгу на рисунке) является «составляющим тамгу династии Гиреев» [98, с. 69]. Кабардинский фольклор упрямо приписывает высшим кабардинским дворянам Куденетовым, Тамбиевым пришлое: крымское, ногайское происхождение. Тамга ханской графической основы при положении - трезубец — имеет три основных варианта и столько же и в положении — двузубец. Такие тамги сразу заметны в наших каталогах.

Не отвергая мнения профессора Л. И. Лаврова о грузинском [130, с. 124] происхождении фамилии Анзоровых, мы же склонны предположить крымско-тюркское происхождение всех указанных фамилий. Известно, например, что тамга, абсолютно сходная с тамгой Анзоровых, но венчиком вниз, была «у одной из древней фамилии Крыма... у ширинского бея» [289, с. 402]. Мало того, один из ведущих ордынских родов Батбай тоже имел «тамгу в виде круга с крестиком» [165, с. 115]. К этимологической нехарактерности для адыгского языка антропонимов: Тамби Куденет, (от тюрк.: Худайнад), Анзор — следует добавить, что имя «Бек-Султан сын Худайнада» зафиксирован исследователями «мавзолеем на левом берегу Сунжи 1405—1406 года» [42, с. 48]. Принадлежал он известному феодалу из тюркоязычного племени борган. Л. И. Лавров посчитал их кумыками, «которые ранее конца XVI века переселились в центральную часть Северного Кавказа, в течение длительного времени жили по соседству с кабардинцами, частично смешавшись с ними» [42, с. 48].

Интересным дополнением к этой взаимосвязи является то, что об этой сословно-политической связи в прошлом знали и исследователи прошлого, и сами представители сословия кабардинских дворян: Ш. Б. Ногмов называл их «переселившимися иностранными дворянами» [185, с. 107]. Весьма своеобразно эту связь интерпретировал В. Н. Кудашев: «Во время нашествия монголов фамилии эти (Тамбиев, Куденетов Анзоров.— Х. Я.) были подчинены власти ордынских ханов» [117, с. 152]. По сообщению Л. Я. Люлье, в среде адыгских тлекотлешей некогда бытовала своеобразная поэма, на которую те ссылались как на документ, «доказывающий древность их происхождения, и оспаривают право дворянства» [138, с. 14]. Наконец, изречение из этой поэмы «хон-я-бюн терь яй» так буквально и переводится: «мы принадлежим к ханскому роду» [117, с. 14].

Аналогичное фольклорное предание никак не могло игнорироваться в адыгском, феодальном обществе, где «генеалогическое предание выполняло функцию действенного социально-политического и идеологического фактора» [49, с. 26].

В плане изучения адыго-крымских сословных взаимосвязей через призму тамг интересным является работа исследователя М. Я. Чорев, выявившего на стенах средневекового укрепления в Крыму несколько тамг, которые автор считает адыгскими [253, с. 120].

Инфильтрация представителей соседских феодальных кругов в структуре горской знати происходила и на остальных ступенях феодальной иерархии. Так, например, в документе 1616 г. значится «князь Большого Ногай Иштерек» [89, с. 192], а в 1640 г. Ещеречка (адыгизированная форма ногайского имени Иштерек, от которого, на наш взгляд, произошла кабардинская фамилия Ещтрэч — Ештрековы) упоминается уже как «дворовый уздень» [89, с. 192] своих кабардинских соседей, князя Муцала Сунчалеевича Черкасского [89, с. 192]. Аналогичными очеркесившимися ногаями [9, с. 30] являются «фамилии Едиге... Цей» [138, с. 14,18].

Подобные сословные интеграции в кабардинскую среду происходили вплоть до XIX в. Таковы, например, данные переписи 1825 г. Кабарды, где сказано: «...уздень Аслан Мирза Тутуков из ногайцев», «второй степени уздень барагунского князя Асланбека Темезова Сабаний Кайдаов», «родом из тарковских узденей эфенди Махты Амирханов», «уздень Далоткирей Матов... из кумык», «родом из барагун Салатгери Дыдымов»; из балкарских старшин «Аитек Мшаков» (Мисаков.— Х. Я.); «родом из дигорских узденей Долотуко Алиев», из абазин «первостепенный уздень Калмык Трамов», уздень Ажгери Билятов; из бесланеевцев «3-й степени уздень Хажи Магомат Балкаров» [288, с. 195, 275;

155, с. 187; 67, с. 261, 19, 113].

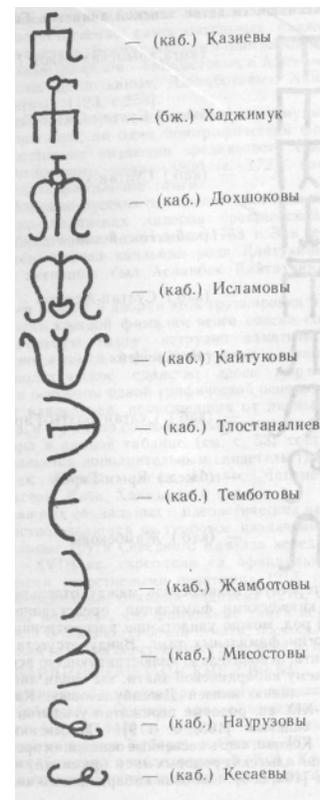
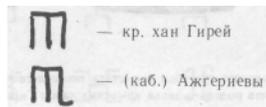
Еще Г. А. Кокиев, описывая участие ногайцев в формировании феодальной знати осетин-дигорцев, объяснял это как «физическими чертами дигорцев» [165, с. 93], так и «тюркскими фамилиями дигорских баделят» [165, с. 93].

Поскольку долгое время Малые Ногаи находились «в зависимости Крыма и Турции» [289, с. 288], а сами ногайские султаны, как правило, являлись «потомками крымских ханов» [113, с. 138], то фактически носителями тамги крымских ханов Гирей являлись и представители ногайской феодальной знати, нередко пополнявшие сословия своих соседей.

Количество представителей ханских семей—султанов» в адыгейской среде — не исчерпывается, как это может показаться сегодня, редкими единицами. По сообщению очевидца первой четверти XVIII в., «в черкасской земле считается 52 султана, способных носить оружие; самым бедный имеет при себе 50 конных и хорошо вооруженных слуг» [50, с. 161].

Генетическая связь между упомянутыми династиями хорошо видна при сравнении графической основы тамги династии Крым Гирей с тамгами у их очеркесившихся потомков (см. с. 50):

Адыгские князья, взявшие основу тамги крымских ханов Гирей из-за прокрымской политической ориентации:

Интересную взаимосвязь между отдельными кабардинскими княжескими фамилиями, представлявшими некогда единый род, можно увидеть при рассмотрении своеобразной генеалогии фамильных тамг. Ввиду отсутствия на сегодня документа, основательно иллюстрирующего всю генеалогическую схему кабардинской знати, мы взяли лишь одну из его ветвей — линию князей Джембулатовых. Как известно, в XVIII—XIX вв. родовые пережитки у адыгов были сравнительно сильны» [103, с. 119]. По мнению профессора Дж. Н. Кокова, «есть косвенные основания предполагать, что зародыши адыгских родовых имен (фамилий) имелись еще до XVI в.» [104, с. 6]. Сыновья кабардинского князя Жамболата - Кайтуко, Бакмурза, Султанали — явились родоначальниками трех соответственно самостоятельных княжеских фамилий. В свою очередь, Бекмурзинская линия распалась на две самостоятельные фамилии — Мисостовых и Ажгериевых, Кайтукинская — на Докшукиных, Джемботовых, Хамурзиных, Глостаналиевых [123, с.253].

Рассматривая указанную генеалогическую схему, можно заметить, что, пожалуй, ни один этнографический факт не иллюстрирует состояние эволюции «реликтового единства распавшегося отцовского рода» [200, с. 172], как это в состоянии сделать фамильные тамги.

История кабардино-русских отношений дает нам полный список княжеско-дворянских лидеров прокрымской, так называемой «кашкатаовской партии» за 1753 г. Эта верхушка возглавлялась некогда князьями рода Кайтукиных, из которых более активным был Асланбек Кайтаукин [130, с. 248].

Изучив тамги князей и дворян этой группировки и затем поставив напротив каждой фамилии этого списка соответствующую фамильную тамгу, нетрудно заметить связь графической основы тамги князей Кайтукиных с остальными фамилиями — политическое единство здесь выражалось в пользовании в основном одной графической основы. Число имен адыгских владельцев, происшедших от личных имен крымских ханов, и терминов сословие-политического обихода крымского двора в данной таблице (см. с. 53) составляет 22 из 45, что является дополнительным свидетельством этой связи. Это, как правило, имена: Ислам, Магометгирей, Адилгирей, Ажгери, Кази, Ханмырза и т. д.

Одной из важных социальных и идеологических нагрузок тамг, как известно, является ее гербовое назначение [127, с. 103]. Феодалные круги Северного Кавказа нередко свои договоры XVI—XVIII вв. скрепляли на официальных документах личными «перстневыми печатями» [215, с. 176],

«некоторыми инициалами, буквами надписи» [216, с. 170]. Мы же склонны полагать, что фамильные тамги некоторое время выполняли функцию гербовой печати, поскольку сама практика ношения тамги на перстне имеет солидный возраст.

КАБАРДИНО-ОСЕТИНСКИЕ СВЯЗИ

Союз, заключенный, например, между влиятельными династиями Кабарды и Осетии, вполне естественно был «вассалитетом» [87, с. 147] и «прежде всего классовым союзом феодальных кругов Кабарды и Осетии» [87, с. 147]. В группе тамг Осетии, опубликованной Б. А. Калоевым, встречается характерное сочетание тамг ведущих фамилий этих обществ: кабардинских Анзоровых, Куденетовых осетинских Тугановых.

Эти групповые тамговые тексты, на наш взгляд, призваны были продемонстрировать факт покровительства осетинских владельцев Тугановых кабардинскими тлекотлешами, Анзоровыми и Куденетовыми. Именно этим фамилиям, определявшим политические, династические отношения между кабардинцами и осетинами, принадлежат упомянутые тамги.

Характеризуя сословную высоту кабардинских уорков Куденетовых и Анзоровых, документ первой четверти XIX в. называет их «узденями... высоко степенными» [130, с. 50].

Сословную причину мы усматривали и в расположении тамговой коллекции осетин, где тамга Тугановых находится с тремя русскими буквами ГАГ, являвшимися начальными буквами осетин Гагиевых. Здесь тоже соблюдена проетранственная субординация — тамга Тугановых расположена выше.

В составе балкарских тамг, обнаруженных в районе сел. Былым Чегемского района Кабардино-Балкарии, есть и неопознанная тамга осетинского владельца.

В истории взаимоотношений горских феодальных династий существует письменный источник — шиферная плита 1714 г., подтверждающая участие конкретного лица, осетинского владельца Караджаова, в решении межевого вопроса балкарцев. По всей видимости, явление, когда «на балкарском тере в особо важных случаях собирались дигорцы и карачаевцы» [165, с. 92], было традицией того периода.

Еще по сведениям Ю. Клапрота, посетившего Северный Кавказ, кабардинские князья Таусултановы посылали к осетинам «воспитывать своих детей». Соблюдение обычая аталычества между феодалами было выгодно: во-первых, «на этой основе представители социальных верхов... укрепляли классовый союз», во-вторых, за воспитание детей кабардинских владельцев осетинские феодалы получали

«щедрые подарки», и, в-третьих, они же получали «на плоскости землю для поддержания своего существования в горах» [188, с. 145,154].

Литературные источники позволяют нам рассмотреть картину локализации территорий Осетии, зависимых от кабардинских владельцев и фамилий. Известно, например, что «Дигория вошла в состав удела кабардинских князей Кайтукиного рода», а Тагаурия — в состав удела «кабардинских князей Таусултановых и Тузеровых» [292, с. 11], и что для охраны осетины давали ясак «Алегукке да Хадаждукке мурзе Черкасскими и Зазарукке мурзе Анзорову» [225, с. 137].

КАБАРДИНО-ВАЙНАХСКИЕ СВЯЗИ

Издавна предки адыгов находились в самых тесных контактах с чеченцами и ингушами. Конкретными пунктами совместного проживания были «деревня Брагуны» [87, с. 180] и также «Давлет-Гиреевское» [87, с. 180.] Кабардинские феодалы распространяли свое влияние и на некоторую часть жителей Чечни и Ингушетии [87, с. 180]. Кстати, в этом была заинтересована и сама «нарождавшаяся феодальная верхушка Чечни и Ингушетии» [87, с. 180], искавшая покровительства у кабардинских владельцев.

В итоге к XVII в. над ингушами Терского города установилась власть кабардинского князя Сунчалая Янгличевича Черкасского, а в середине XVIII в. под властью «кабардинского князя Давлет Гирея Эльмурзовича Черкасского оказались и чеченские деревни Герменчук и Шали» [87, с. 180]. Кабардинское население в последнем было многочисленным по причине переселения сюда из-за феодальных междоусобиц «некоторых малокабардинских владельцев» [87, с. 180]. А чеченцы и ингуши проживали «в кабардинских селениях Бековича-Черкасского и Таусултановых, расположенных между Эльхотовым и реками Курпом и Тереком. В одном селе Псидахо проживало 664 чеченца... в селах Гайтиев и Эльджаруков 416 чел.» [87, с. 180].

С другой же стороны, в начале прошлого века «160 дворов уорков и крепостных крестьян Кабарды ушли в Чечню» [87, с. 180], куда в 1846 г. вместе с Шамилем последовала немалая часть кабардинцев.

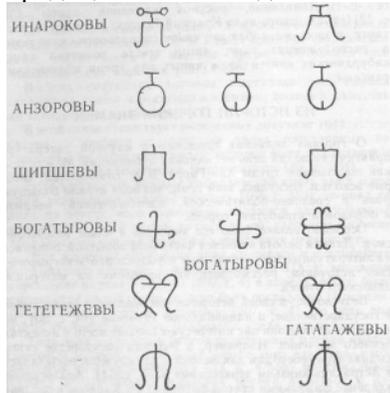
Этими продолжительными контактами объясняется наличие многих чеченцев и ингушей кабардинского и балкарского происхождения, и, наоборот, предки некоторых представителей Кабардино-Балкарии являлись в прошлом вейнахами. Не случайно здесь встречаются фамилии явно вейнахского происхождения: Чеченовы, Ингушевы, Богатыревы, Гетагеевы, Дацирхоевы, Орсыевы, Андиноевы,

Шердиевы, Мальсургановы и др.

Наш каталог чечено-ингушских тамг невелик и составляет всего лишь 27 знаков. Но тем не менее и это незначительное число знаков дает в какой-то мере возможность проследить историко-этническую связь вейнахов с адыгами. Например: из 19 чеченских тамг 13, на наш взгляд, имеют графическую основу кабардинских тамг, а из 18 ингушских они составляют 12 знаков. Четыре чеченские тамги фактически являются вариантами тамги кабардинских князей Таусултановых, в селениях которых проживала часть чеченцев и ингушей. Если вспомнить социальный канон феодального строя этого региона, где жители аула должны были пользоваться лишь тамгой или вариантом своего удельного владельца, то здесь все становится ясно.

Среди тамг вейнахов встречается также и вариант тамги самой влиятельной княжеской фамилии Кабарды Атажукиных и первостепенных кабардинских дворян Анзоровых. Есть также и вариант кабардинских дворян Шипшевых. Среди ингушских знаков вариант тамги кабардинских князей Таусултановых встречается дважды, а 6 знаков являются вариантами тамг кабардинских дворян Астемировых и Инароковых, непосредственно традиционных соседей чеченцев и ингушей.

Нередко нужда в хороших пастбищах и пахотных землях была причиной переселения соседей на равнину, поближе к кабардинцам. Практиковались династические браки. Эпизодические вассальные притязания части кабардинских

феодалов нашли отражение и в преданиях вайнахов, где в «ряде текстов говорится о том, что адыгские феодалы проникали даже в горные ущелья, жители которых ставили сторожевые посты» [57, с. 103]. Многообразие контактов адыгов и вайнахов не миновало и сословных отношений. Русские документы 1614, 1616, 1625, 1661 гг. свидетельствуют о том, что не раз представитель кабардинского феодального общества жаловался царям— «князям над окоцкими черкасы», как тогда называли «выходцев из ингушского племени Акко», а также о тесных контактах с мичкизами, то есть чеченцами.

Н. Н. Харузину, исследовавшему в конце прошлого века чеченские, ингушские тамги, говорили, «что обычай таврить лошадей заимствован чеченцами и ингушами от кабардинцев», далее, среди этих тамг есть также экземпляры, «рисунки которых заимствованы у кабардинцев» [89, с. 434, 435].

Как правило, среди чеченских и ингушских тамг попадают варианты тамг таких кабардинских владельцев, как Таусултановы, Бековичи-Черкасские, Инароковы, чьи владения были сопредельны чеченцам и ингушам. По словам Шоры Ногмова, «назрановцы и карабулаки» в одно время вынуждены были платить дань князьям «Мисостовской фамилии» [185, с. 116].

Последнее объясняется бывшей экономическо-территориальной и сословной зависимостью части чеченцев и ингушей именно от указанных фамилий, на землях которых те селились в прошлом по причине малоземелья. Встречаются варианты тамг кабардинских владельцев Талостановых, Инароковых. Представитель последних, согласно вейнахским преданиями, иногда выступал как «союзник чеченцев и ингушей». Тамга Талостановых иногда называлась и тамгой шолоховской (шолэхъу дэмыгъэ), потому что родоначальником их был ШОЛОХ. И поэтому «удел рода Талостановых — Тэльостанэй в русских документах назывался Шолохова Кабарда» [89, с. 433]. Среди чеченских и ингушских тамг встречаются и варианты тамг первостепенных кабардинских дворян Анзоровых. Фамилия эта встречается и среди чеченцев. Данный факт мы склонны объяснить тем, что в Малой Кабарде, согласно русским документам 1744 г., рядом с чеченцами и ингушами находились «5 деревень... Анзоровы» [89, с. 115].

КАБАРДИНО-АБАЗИНСКИЕ СВЯЗИ

В частичной сословной зависимости [293, с. 105] от кабардинских феодалов находились и некоторые из «частей абазинцев» [185, с. 116]. При этом можно проследить, какие

абазинские племена и фамилии каким кабардинским владельцам соответственно «принадлежат с давнего времени...» [185, с. 116]. Например, «племени Клычева, Кешева, Дударукова — фамилии Атажукиных; басалбаевцы, бибердовцы и половина Лоовых принадлежат Жанбулатовой фамилии, а последняя половина Лоовых принадлежит Мисостовской фамилии» [130, с. 143].

А в XVIII в. один представитель самого влиятельного рода Кабарды Хаджи Темрук Атажукин «учредил себя над абазинами главным командиром» [130, с. 143].

В перечне абазинских тамг, приведенных в книге Е. Н. Данилиной, — рисунок каменной плиты [58, с. 121] абазинского аула Красный Восток. На плите четыре тамги, и здесь же, соблюдая канон социального символизма в расположениях тамг, автор текста поместил тамгу кабардинских князей Атажукиных над тремя абазинскими тамгами.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРСКИХ ЗНАМЕН

О горских знаменах прошлого в научной литературе практически по сей день нет никаких публикаций. Между тем, как показывают труды Хан-Гирея, Б. Х. Бгажнокова, которые вскользь коснулись этой темы, знамена играли большую роль в сословно-политической, идеологической, военной и обрядовой атрибутике горцев.

Особенно велико было его значение в плане владельческом. Данная работа является частичной попыткой, опираясь на литературные документальные и фольклорно-этнографические источники, рассмотреть эту проблему на материале адыгского этноса.

Безусловно, в своей исторической эволюции стяги имели и государственное, и национальное значение [14, с. 30], но в данном случае они нас интересуют больше всего в аспектах ленного значения. Например, в Русском государстве стяги выдавались «воеводам для похода и для службы, посылались в Астрахань князьям черкесским» [265, с. 11]. Аналогичное владение фамильным стягом бытовало и в Кабарде в средние века, когда «акт передачи ленных владельческих прав...» — по всей видимости — «совершался с соблюдением известных церемоний с особыми внешними знаками или символическими действиями» [14, с. 9].

До 1843 г. слово «санджак» в Турции означало «флаг знамя», одновременно подразумевая «объединение военных ленов» [265, с. 326], позже оно стало обозначением территориальной единицы. Например, у других исторических соседей адыгов —

ногайцев войска каждой орды «разделялись на известное число байраков, то есть более или менее значительных, но неравномерных по количествам людей. боевых частей или дружин. Все знамена этих дружин одинаковой формы и носят на себе знак важнейшей фамилии» [266, с. 15].

Если Русское государство посылало стяги князьям черкесским как символ боевого содружества с элементами подданничества, то аналогично поступало и Крымское ханство по отношению к адыгским владельцам крымской ориентации.

Вот почему в самом начале XIX в. бесланеевский князь Бек Хануков (Кононов. — Х. Я.) имел при себе «султанское знамя, около коего в военное время собираются все подвластные ему народы» [267, с. 35].

В этих ситуациях знамена выступали как символ вассалитета, союза, как сигнал к военному походу и даже как вид поощрения, жалования.

В этой связи существует интересный документ 1641 г., где сказано: «...пришли с тылу на твоих государевых на кумыцких и на черкесских людей, которые были под знаменем у Кельмаметя Куденетовичи Черкасского» [89, с. 204].

Если учесть, что каждый кабардинский князь имел «свое знамя, украшенное родовой тамгой» [166, с. 353], то вряд ли слова из текста «под знаменем» являются здесь обычной метафорой. Скорее всего, речь шла об удельном знамени кабардинского князя Келемета Куденетовича Черкасского.

Этот же метод собирания дружин имелся и у адыгейцев более позднего времени — первой половины XIX в., когда при «совещании на реке Убинеж» [207, с. 4] в апреле 1840 г. было решено «от каждой речки должно быть поставлено 15 всадников под своим особым значком» [207, с. 4], то есть под тамгой соответствующего владельца удела (псухо).

Типичным отголоском стягов родственных племен явился известный национальный флаг черкесского единства, изготовленный во второй четверти XIX в., в пору максимальной [военной централизации адыгских племен в борьбе с царизмом. На этом стяге, наряду с изображением трех перекрещенных стрел — символом мирного сосуществования у адыгов [66, с. 16], помещались двенадцать звезд по количеству «представителей ряда адыгских народностей» [61, с. 36]: абадзехи, бесланеевцы, бжедуги, жанеевцы, кабардинцы, махашевцы, натухайцы, темиргоевцы, убыхи, хакучинцы, хатукаевцы, шапсуги. Последний раз это знамя участвовало во всенародных адыгских торжествах в 1926 г., в селе Афипсип, по случаю празднования образования Адыгейской автономной области.

В прошлом, как известно, традиционными единицами подсчета населения являлись дом (дым), кибитки, котлы

[174, с. 42]. Кроме этих приближенных приемов и существовавших у многих народов понятий: многочисленное или малочисленное войско,— безусловно, должна была быть и более точная форма, дающая конкретное и четкое представление о численном составе боевой единицы. Таким, на наш взгляд, и является слово «санджакъ»—«стяг» (тюркское название). Данное слово могло образоваться из двух частей: «сана» — «число, количество» и «джакъ» — «сторона, часть» и означать строго отсчитанную часть боевой единицы со стандартным размером численного состава, определяемого масштабом соответствующего удела, владельца.

Как многие восточные владельцы имели при своих дружинах стяговников, так и у кабардинцев была известна специальная должность — санджакъщ1эт [268, с. 36], буквально: стоящий под стягом, то есть стяговник. Это позволяло еще издали по вышитому знаку узнавать, какому владельцу принадлежит та или иная дружина. Поскольку известно, что овладение стягом противника или же потеря своего стяга играли большое тактико-психологическое и символическое значение, то стяги имели в прошлом то же значение, что и знамена последних времен.

По этому поводу существовала старорусская пословица: «Язык — стяг дружину водит» [190, с. 175].

В России, например, в XVIII в. одним из подвигов, за который награждались «чрезвычайно почетным и редким орденом Георгия I степени», являлся: «...взятие в бою орудий, а также знамени врага» [269, с. 46].

С подобным почетом воспевается и герой кабардинской народной песни «Кашкатаовская битва» Уардшао Анзоров, поразивший стяговника [268, с. 36] врага.

Так, Хан-Гирей упоминает о рыцарской гибели бжедугского воина по имени Биярках, сложившего голову, ринувшись в середину врагов «с развевающимся в руках знаменем» [270, с. 297].

Стяги со знаками могли иметь множество разных смыслов, например, они могли фиксировать какой-то «родоплеменной признак» [271, с. 231], быть «знаменем командира» или же «могильным памятником» [127, с. 103].

У «аристократических племен адыгов знаменосцам могли быть лишь представители дворянского сословия - бесльэн уэркъ» (беслен-уорк — княжеские уорки.— *Х. Я.* При этом, по словам Хан-Гирея, были в нем «обязанности некоторых фамилий, которые были наследственные, из рода в род переходящие, например: носить на войне знамя: возвещать распоряжения

съездов народу (хгоу), наблюдать во время больших пиров за порядком и т. п.» [270, с. 303].

В исследованиях Б. Х. Бгажнокова установлены их фамилии у двух бжедугских подразделений: у черченеевцев «знаменосцами были уорки из рода Хьякьюи», а «в хамышеевском уорки из рода Лъэпц1эрышэ» [29, с. 75]. Поданным того же Бгажнокова, упомянутый Хан-Гирей — Биярках (Бэракъыхъ — буквально: знаменосец) «был из рода Хьякьюи, о нем сейчас помнят потомки этого рода» [29, с. 75].

Пожалуй, ни на одном предмете тамга так немногозначительна, как на стягах, а позже знаменах. Поскольку слова «тамга», «байрак», «санджак» являются терминами тюркскими, следует полагать, что и в его символе у горцев Северного Кавказа, в частности у адыгов, они носили ту же политико-сословную функцию, что у крымцев, турок и ногайцев.

По словам Н. П. Пожидаева, князя Кавказа, Руси, Европы и Поволжья с незапамятных времен «знамена и стяги украшали наверхшими, которых узнавали издали». «Где узрим стяг твой, тут и мы с тобой» [204, с. 242],— сказано в Ипатьевской летописи 1146 г. по этому поводу. Мы же склонны предполагать следующее. Словом «стяг» на Руси называли «жердь или древко» [272, с. 171], позже, с развитием феодальных отношений и выделением родоплеменной знати, имеющей свою родовую эмблему, герб, тамгу, на древко стали насаживать железные формы этих знаков, чтобы их видели и узнавали. Но опыт военнопоходной жизни показал непрактичность такого метода: они ломались, деформировались в боях, походах и не были настолько яркими, чтобы их разглядеть издали. Их вышитые изображения переносятся на развевающиеся на ветру легкие полотнища материи ярких цветов. Кстати, в эволюции и христианских крестов имеются аналогичные факты — до того, как их стали вышивать на полотнищах, на Руси практиковались кресты, насаженные прямо на древко. С появлением полотнищ древко заканчивается обычным заостренным навершием разной конфигурации. Надо сказать, что появление полотнищ не означало моментального исчезновения символов на древках, это хорошо демонстрирует работа художника прошлого Г. Г. Гагарина: мюрид держит мусульманское знамя, на древке которого укреплен железный полумесяц. Во все времена стяг племени, рода с помещенным на нем гербом, тамгой считался символом чести, иллюстрацией социального статуса. Мы видим — в обрядовых играх образцом доблести и мужества считается добыть знамя, точно так же, как и умение принести обрядовое покрывало «к ликующему народу и

повергнуть на землю» [263, с. 27].

Одной из иллюстративных форм фамильной тамги как герба являются свадебные флаги. Исследователь В. В. Милорадович описал этот факт у карачаевцев, когда участники «брачного поезда везли флаги — байракъ, на которых изображалось родовое тавро жениха над тавром невесты» [257, с. 88].

В обнаруженном нами в Адыгейском областном музее варианте адыгейского свадебного флага тамги брачующихся фамилий размещены рядом. Исходя из работы Б. Х. Бгажнокова, можно полагать, что правая тамга принадлежит роду жениха, а другая — невесте, потому что «порядок размещения (женщина слева, мужчина справа) служил, как утверждают адыги, средством демонстрации супружества» [29, с. 30].

Знамя с тамгой имело большое место в обрядовой культуре горцев, в частности адыгов. Например, при весельях, связанных с возвращением воспитанника от воспитателя, «всадник с зеленым значком в руке скакал, преследуемый сотнею своих сотоварищей, старавшихся вырвать у него из рук флаг» [238, с. 14].

Своеобразное спортивное состязание всадников «для овладения флагом с каймой» [238, с. 14] было характерно на горских свадьбах. На крыше дома или заборе у адыгов в честь «рождения ребенка вывешивали знамя» [159, с. 93]. Элемент хищения знамени и преследование похитителя содержались, например, и в «закрытии празднеств» [159, с. 93], связанных с окончанием пахотного сезона у кабардинцев и у абазин [58, с. 47]. Аналогичный обряд был связан и с борьбой всадников

за обладание ореховым флажком «дежебракъ» [273, с. 115] и у адыгейцев. С большой осторожностью оберегали на карачаевской свадьбе «знамена с изображением тамги невесты и жениха» [257, с. 97].

Несомненно ясно, что во всех этих играх «потерять знамена считалось большим позором» [257, с. 88]. Эти факты доказывают, что все эти обряды, связанные с овладением знамени, есть не что иное, как карнавальная форма памяти былого значения боевых стягов, дошедших до XX в. через посредство обрядовых игр. А специально для победителей распаханый участок земли, железные предметы, изготовленные кузнецом, бывшие «призами самых метких стрелков» [58, с. 47], являются, на наш взгляд, тоже обрядовой формой бытовавших в феодальном адыгском обществе видов платы дворянам за службу — уэркътын, куда входили: «земельный участок» [61] и «оружия» [51].

Из сказанного следует, что слова О. В. Милорадовича о том, что «каждый кабардинский князь, выступая в поход,

подымал свое знамя, украшенное родовой тамгой» [166, с. 353], относится к остальным адыгам, абазинам и также к соседям.

Учитывая место, которое занимали знамена в жизни горцев, в частности адыгов, есть основания предположить, они ставились и на могильные курганы, где позже были что сменены каменными памятниками с тем же содержанием текста. Вполне возможно, что они некоторое время сосуществовали, как это имеет место и сегодня в некоторых селах Терского района Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии.

Поскольку пока нет ни одного источника, подтверждающего существование могильных плит на могилах горцев XIV — XVI вв., уместно будет предположить три варианта: на могилу умершего клали железную тамгу. Кстати, нашими археологами найден подобный экземпляр, изготовленный из листового железа. Он был обнаружен в могильном кургане этого периода.

Второй вариант, вероятно, состоял в водружении шеста с воткнутым в него навершием, выполненным в виде тамги владельца. Именно такой техникой крепился на памятниках позже и сам символ ислама — полумесяц. Полумесяц со звездой или без нее, выполненный из листового железа и вбитый в навершие намогильного памятника, можно видеть на кладбищах Кабардино-Балкарии по сей день.

Более вероятной нам все же кажется практика водружения на могилах шеста с флажком, на котором с двух сторон еще издали виднелась вышитая или выкрашенная тамга.

Очевидно, об этом свидетельствует Интериано в XV в., описавший похороны у адыгов, «где толпа народа собирается делать над покойником темху» [166, с. 355] (тамгу). Кстати, почти на одной трети намогильных плит, обследованных нами, никаких текстов нет, кроме рисунка тамги.

В средневековую эпоху контуры знамен России, Поволжья, Северного Кавказа, кочевников имели свои варианты, но более устойчивым и характерным из них все-таки является прямоугольное продолговатое легкое полотно с острым симметричным вырезом на конце. Его древнеаланский тип можно видеть в книге А. А. Кузнецова «Очерки истории алан». Этот вариант стяга дошел до начала XX в. почти без изменений. Вполне естественно, при подобном массовом сходстве стягов единственными отличительными признаками могли быть изображенный знак и цвет самой материи. Конечно, решающую роль играло то, что изображалось: тамга, герб, эмблема. Вот почему вместо слова «знамя», происшедшего от слова «знак», нередко говорили «особый знак» [207, с. 4], или «тамги» [207, с. 4]. Кстати, арабское название знамени «гэлэм» имеет тот же смысл: «узнавать, знать».

Стяг являлся непосредственным атрибутом военной походной жизни, и его непременно должны были ставить на могилу не каждого, а только лишь погибшего воина. Это была одна из форм почитания погибших молодых рыцарей-патриотов, и скачки в прошлом устраивались в память погибших «молодых воинов» [189, с. 226]. Кстати, и по сей день флажки в упомянутых районах посвящаются не всем, а лишь только тем, кто скончался в расцвете сил. В прошлом это явление было распространено широко, особенно в период Кавказской войны. «Множество украшающих могилы надгробных флагов обыкновенно белого, красного или голубого цвета трепещутся на высоких шестах» [206, с. 8], — видели очевидцы, посетившие адыгов в прошлом. Поясняя, кому они были посвящены, автор объясняет: «Здесь схоронены лучшие и самые храбрейшие люди Черкесии, погибшие в долгой, отчаянной борьбе» [206, с. 8]. Высота шеста здесь не случайна, она объяснялась необходимостью видеть «родовую тамгу издали» [206, с. 8], ведь по обычаю в честь похороненного полагалось путникам придержать минуту и сделать два по умершему. Для этой же цели у обочин или на развилках дорог ставились поминальные памятники-кенотафы, в отличие от надгробных плит — кхъашхъэ сын. Вероятнее всего, переход текста с флажков на каменные плиты и замена этим первых объяснялась, скорее всего, недолговечностью флажков.

Учитывая тонкость надгробных стягов, развевавшихся на ветру, предполагаем, что тамга на них была видна с обеих сторон. Кстати, обнаруженные нами два памятника в селениях Арик и Терекское Терского района Кабардино-Балкарии тоже имеют двойное изображение тамги: на лицевой

тыльной поверхностях, что, на наш взгляд, является генетической связью с текстами флажков, а не конвергентным явлением. Правда, не приходится отрицать и другую его возможную практическую сторону: при порче одной стороны или повала памятника оставался еще и дубликат — на второй стороне.

Популярные состязания со знаменем являлись своеобразными формами выражения «социальных и классовых взаимоотношений» [159, с. 199], способствовали «закреплению торжественно театрализованного» [159, с. 199] оттенка во многих обрядах и одновременно являлись «средством подготовки молодежи к военной и трудовой деятельности» [159, с. 199].

Для того же назначения существовала, например у кабардинцев, игра «ныпыхъ» — похищение знамени.

Как было сказано выше, боевое походное знамя на Руси

до XV в. называлось стягом; адыгами до начала XIX в. оно называлось санджакъ—слово тюркское; в отличие от него у адыгов бытовало и другое знамя с другими обрядовыми функциями. Оно тоже имело тюркское название байракъ, хотя общее название знамени у адыгов — нып. Санджакъ отличался от байракъ. Флаг для конного состязания - баракъ шили «с каймой» [212, с. 60], а на «крыше дома вывешивался красный свадебный флаг» [212, с. 60]. В тамговой практике знамен существовала и цветовая дифференциация. По словам нашего информатора, 73-летнего М. Д. Хатуева, в прошлом у кабардинцев был обычай ставить черный флаг на крыше того дома, где люди умерли от холеры. Здесь флаг-баракъ служил и символом горя, и своего рода карантинным знаком.

Резюмируя изложенное выше, можно сказать, что стяги с тамгой у адыгов выполняли несколько функций.

ВЫВОДЫ

1. Исторически число знамен горцев определялось количеством самих племен на данном этапе этногенеза.

2. В особо драматических ситуациях они поднимали единое общеадыгское знамя — знамя адыгской федерации, так, например, к началу первой половины XIX в. на таком знамени было 12 звезд—по числу адыгских племен.

3. У аристократических адыгских племен часть дворянских фамилий из сословия беслен-уорк обладала наследственными правами быть знаменосцами: у адыгейцев эта должность называлась «бэракъыхъ», у кабардинцев — «сэнджакъщ!эт».

4. Помимо своих знамен, горцам были известны знамена российские, крымские, ногайские, турецкие и т. д., а также различные удельные знамена отдельных феодалов.

5. Знамя являлось обязательным атрибутом в тех случаях когда князь собирал «свою определенную войсковую единицу» [190, с. 175].

Знамена различались и по назначению:

а) политико-сословные — боевой стяг, символ союза, опасности; символ измерения, владения уделом, прославление рода, фамилии, юбиляра; трофей и т. д.;

б) боевые;

в) обрядовые;

г) извещательные — место захоронения воина, траур, карантин, знак для регулирования распорядка труда и приема пищи на коше пахарей (вак!уэ нып); знамя из фундукового ореха (дэжьебракъ) для дирижирования танцорами во время торжеств; знамя для обозначения дома, где идут именины по

случаю рождения ребенка; знамя для обозначения места свалки мусора;

д) знамя как вид поощрения — как жалование за службу; как приз в спортивных состязаниях; как подарок дому, куда привезли невесту, так называемое «нып хуэпа» — оформленное знамя с нашитыми на него сладостями и безделушками.

Глава III

ИЗ ИСТОРИИ ТАМГОПОЛЬЗОВАНИЯ У ГОРЦЕВ (Вторая половина XIX — начало XX в.)

Существующая ныне литература свидетельствует о том, что возраст северокавказских тамг солиден, что они являлись, главным образом, атрибутом скотоводства, где они имели чисто владельческий смысл. И это не случайно, ведь как только тамга стала выполнять функцию *знака* собственности, она прочно закрепилась за один из первых помощников человека — конем. Это и понятно, потому что первым видом частной собственности «на пороге достоверной истории был домашний скот» [292, с. 104].

Изучение северокавказских тамг помогает выявить многие стороны взаимоотношений в этом обществе. В связи с этим интересным представляется изучение правовых норм владения как самим железным штампом, так и тамговым рисунком.

Историческую сущность тамг четко определил В. П. Пожидаев: «Тамгой на Северном Кавказе и в Закавказье называют знак собственности, налагаемый хозяином-скотоводом на свой скот — овец, коров и особенно лошадей для отличия стада одного хозяина от стада другого» [204, с. 240].

Функциональное назначение всех категорий знаков собственности по сословно-классовому, семейно-родственному принципу у кабардинцев впервые охарактеризовал канд. исторических наук Х. М. Думанов [70, с. 139].

Словом «дамыгъэ» или «лъэпкъ дамыгъэ» (тамга или родовая тамга) кабардинцы называли главный родовой знак, который ставили на круп, ляжку, лопатку лошадей, иногда коров. А дополнительный знак, ставившийся на щеках животных, — «нэпкъыжьэ» (подтаврок), «дамыгъэ къуэдзэ» (в языке кабардинцев Терского района, бывшей Малой Кабарды) представлял собой часто уменьшенное в 2—3 раза изображение основного тавра. Но ввиду того, что «изготовление железного трафарета требовало известных

расходов» [27, с. 104], то можно было создать легко еще один опознавательный знак, для чего нужна была лишь часть рисунка главного тавра. Например, одной их половинок основного рисунка тавра в качестве подтаврока пользовалась фамилия Бегидовых в сел. Чегем I (быв. Куденетово): Аналогично поступала фамилия Богатыревых из сел. Верхний Курп (быв. Инароково). Смотри тамги Бегидовых и Богатыревых в каталоге.

Конкретное назначение знака нэпкъыжьэ и знаков-надрезов на ушах — «тхъэбзэ» точно выявил Х. М. Думанов писавший о том, что они являются знаками «семейной собственности на мелкий скот» [70, с. 83].

Но подтаврок могли поставить и на лошадь в тех случаях, когда «одним тавром пользовались несколько хозяйств одной фамилии». При этом во избежание путаницы он выжигался на «правой или левой стороне шеи» [144, с. 28].

Аналогичное разделение тавр на фамильное «тукъум тамгъа» [172, с. 116] и на семейно-личное бытовало и в скотоводческой культуре карачаевцев и балкарцев, где наряду с ними практиковалось «множество форм ушного мечения» (эн, энле) [172, с. 118].

Для того чтобы молодое поколение обязательно и четко помнило свою фамильную тамгу, у горцев существовало множество традиционных приемов, помимо непосредственного хранения самого железного трафарета. Так, например, метили предметы патронимического пользования [212, с. 91]: участок земли, кош, котел и также личные вещи: оружие, посох, лопату, музыкальный инструмент. В сел. Урух (быв. Коголкино) нами был зафиксирован рубель, почти двухвековой давности, изготовленный И. Абазовым. Рубель имел на поверхности вырезанный четкий рельеф тамги, которым метили лошадей, и второй его же вариант, которым метили коров. Изготовленная из сухого твердого боярышника данная межпоколенная тамговая эстафета явно рассчитана была на несколько столетий, и его сегодняшнее качественное состояние тому лучшее доказательство.

Аналогичным образом тамговая память для будущего поколения закладывалась и на другом поприще: когда «одним из орнаментальных мотивов являлось изображение родовых тамг, особенно развитое в золотом шитье» [87, с. 264], ту же форму запоминания видим соответственно и у балкарцев «в аппликационных войлоках» [87, с. 264]. Следует сказать, что зарождение «орнаментального стиля, выполняемого знаками» [295, с. 193], должно иметь солидный возраст, но граница тамг и орнаментов — вопрос особый.

Поскольку горская фамилия имела на кладбище свой патронимический «участок» [109, с. 204], следует упомянуть роль тамги и здесь.

Традиционная структура композиции текстов на могильных плитах XIX — начала XX в., как правило, однотипна во многом. Наверху памятника эмблема ислама — полумесяц со звездой, а ниже орнамент. Под ним нередко изображали конкретный атрибут горского костюма, поясняющий пол погребенного: женский нагрудник или мужские газыри. Далее краткая молитва и имя погребенного. Еще ниже ставилась фамильная тамга и дата смерти. В самом низу схематические рисунки, поясняющие профессию: ножницы, крючок для удержания тесьмы, игла, шашка, кинжал, пистолет; четки, кубан, молитвенный коврик.

Фамильная тамга нередко ставилась и на боковых плоскостях памятника, изредка и на тыльной стороне — вероятно, эти варианты практиковались с целью экономии лицевой, главной площади памятника. Так же, как и на примере тамги, вырезанной на поверхности рубеля, каменные могильные плиты являлись надежной формой передачи тамги следующим поколениям. Например, на двух памятниках тамги были высечены как на лицевой, так и на тыльной стороне, что давало возможность опознать место захоронения и саму плиту с тамгой даже при повале памятника.

Проблема сохранения информации о тамгах прослеживается и у других народов. У туркмен, например, «голи племенные узоры, помещались на центральном поле ковра» [294, с. 152], или же «у йомутов при выходе девушки замуж в другой род родовой знак помещался на свадебных ковровых изделиях» [294, с. 158].

Мы присоединяемся к мнению профессора Л. И. Лаврова, что «тесные связи между родственниками и взаимное доверие, без которого подобные связи невозможны, позволяли прибегать к этим же трафаретам значительному числу однофамильцев» [127, с. 104].

Следует сказать, что одним тавром могли пользоваться не только люди, связанные узами родства, но и даже друзья и соседи. Предоставление железного трафарета с правом таврения им своего скота являлось показателем доверия и уважения. Доверенное тавро морально обязывало. По этому поводу бытовала пословица: «Дамыгъэм лыгъэ илэщ» (Тавро честью обладает).

Интересное сведение о тамге как о патронимическом документе, например у абазин, дает кандидат исторических наук Ш. Ш. Хуранов: «В народных преданиях говорится, что

если возникал спор о чьем-либо происхождении, то истец должен был доказать свою принадлежность к той или иной фамилии, представив оригинал тамги, сделанный из железа» [244, с. 157].

На материале кабардинского фольклора в подобные случаи мужчина предьявлял часть коромысла с тавром, для чего женатые братья, расселяясь, распиливали коромысло, меченное фамильным тавром, столько раз, сколько братьев.

Предоставление тавра второму лицу было бесплатным, а его изготовление — не везде. Например, в сел. Плановском (быв. Боташево)—20—30 копеек; в сел. Каменноостском (быв. Кармово)—2—3 рубля. Разница в цене *тавра* объясняется как сложностью конфигурации, так и дефицитностью железа в данном районе.

Фамильное тавро одновременно являлось классическим документом социального символизма. Например, жители сел. Плановского должны были пользоваться тавром Боташевых, жители квартала Жерештиево — тавром Жерештиевых и т. п. Подобная картина наблюдалась и в Балкарском обществе. Например, «жители Верхнего Чегема использовали тамгу Барасбиевых, Карасу — Суншевых (Сююнчевых), Хулама — Шакмановых» [172, с. 118]. Пользование тавром князей имело одно преимущество, потому что при этом возрастала «гарантия, что их скот никто не тронет» [172, с. 118].

Отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии, переселенческая реформа, выселение горцев в страны Востока, уход многих владельцев на Кубань, гибель их в ходе Кавказской войны привели к большим социально-экономическим изменениям. Появляются ростки капиталистических отношений. Естественно, это повлияло на нормы тавровладения—появляется некая резервная группа тамг. По словам Л. И. Лаврова, «после смерти последних представителей известной фамилии их тамгу присваивала другая» [127, с. 105]. Начинается период, когда «крестьяне тоже стали пользоваться тамгой» [70, с. 83].

В пореформенный период выдвигаются «разбогатевшие кулацкие хозяйства» [146, с. 132], сумевшие поставить свое дело на передовые методы. Появилось немало крупных землевладельцев и скотоводов, «владевших табунами

лошадей, мелкого рогатого скота» [169, с. 49].

Для этого периода характерно осуществление древних тамг феодальных династий с тамгами, заимствованными из арабского, русского, грузинского алфавитов. Этим объясняется и весьма категоричное заявление части информаторов, что все тамги якобы являются начальными буквами имен, фамилий владельцев.

После отмены крепостного права появляется обилие новых фамильных тамг, в основной своей массе принадлежащих бывшим зависимым сословиям, сумевшим приспособиться к новым социально-экономическим переменам. Эта категория тамг характерна тем, что, как правило, они являются русскими буквами, соответствующими первой букве фамилии. Например, фамильная тамга Жолдашевых не что иное, как русская буква «Ж», у Керашевых — буква «К», а у Мурзабековых — монограмма из двух букв «М» и «Б». Впрочем, здесь легко впасть в крайность, потому что это могли быть и представители родов, некогда потерявших свои родовые тамги из-за каких-то социально-политических потрясений. Но вместе с тем следует заметить, что не каждое совпадение или сходство является фактом преемственности. Например, если жители сел. Лачинкай (быв. Тохтамышево) должны были метить скот графической основой фамилии Тохтамышевых, напоминавшей русскую букву «Х», то вполне естественно, что этим знаком пользовались также и представители фамилий, начинающихся с буквы «Х».

Такая же ситуация и с тамгой фамилии Беевых, которая, на первый взгляд, не что иное, как русская буква «Б», а между тем документально известно, что эта фамилия в прошлом числилась в уделе князей Ажгериевых [288, с. 31]. Основа тамги Ажгериевых — общеизвестный трезубец. Зная, к чему обязывала сословная принадлежность и частую форму вертикального изображения тамги, нетрудно догадаться, что в основе буквовидной тамги Беевых лежит тамговая основа их владельцев, изображенная вертикально.

Кстати, из-за отсутствия верной информации от предыдущего поколения некоторые сегодняшние информаторы не только склонны объяснить свои фамильные тамги буквами русского алфавита, но, на наш взгляд, иногда сами Дорисовывали штрихи, максимально приближавшие их к соответствующей русской букве, как, например, тамга Мазановых и Беевых.

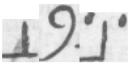
Можно встретить также ряд тамг, являющихся, по мнению профессора Лаврова, явными вариантами грузинского алфавита [130, с. 135]:

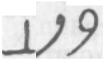
 тамга кабардинцев Дударовых — грузинская буква Т;

 тамга кабардинцев Клишбиевых — грузинская церковная Х;

 тамга балкарцев Урусбиевых — грузинская церковная [130, с. 125].

Встречаются также явные заимствования из арабского алфавита:

 - Тудуевы

 - Уардоковы

Перед нами первые три буквы фамилий, написанные на арабском языке.

Очень важную роль горские тамги имели в расчетных делах скотоводов. Например, «чабан вместо расписки давал хозяину отары выструганную палочку в 3—4 вершка (бирку) с пометками — зазубринами на обеих сторонах (пхъэибзэ) и вырезанной на конце фамильной тамгой» [144, с. 29]. Именно эта фамильная тамга позволяла помнить чабану, у какой фамилии он взял то или иное число овец.

С помощью тамги расчет производился и у балкарцев, в среде которых этот факт описан был Н. П. Тульчинским: «Он, хозяин, выделяет из своего стада около ста овец... Это маленькое стадо тотчас метится особым знаком. По истечении пяти лет весь приплод, а равно и помеченные бараны делятся пополам, одна половина идет в собственность работника и служит платою за труд, а другая половина идет владельцу» [295, с. 19].

Идентичную картину мы наблюдаем и у абазин. «Возвратясь с гор, каждое объединение строило специальную ограду, куда загоняли скот. Все члены объединения забирали оттуда своих животных, которые узнавались по специальным меткам...» [124, с. 67] «Абазинам были известны два способа мечения скота: 1 — *дамыгъэ-анцIара*;

2 — хцIара *анцIара*. И тот и другой способ означает — нанести знак

собственности. Разница заключается в том, что 1-м способом (дамыгъэ) метили крупный рогатый скот, лошадей и отчасти мелкий рогатый скот и домашнюю птицу. Тамгу ставили путем выжигания: к телу животного прикладывали раскаленное железное клеймо. Рану посыпали солью и через некоторое время, когда спадал струп, на теле животного четко просматривался знак собственности. Животных клеймили в возрасте 1-1,5 лет. Лошадям тамгу ставили на крупе или на задние ляжки. Крупному рогатому скоту тамгу ставили только на задние ляжки. Случалось так [124, с. 68], что два брата пользовались одним и тем же знаком. Чтобы не перепутать животных, они заранее договаривались, кому какой бок метить: старшие метили правый бок, а младшие — левый.

«Дамыгъэ» передавалась по наследству, и имели их только владетельные лица. «Дамыгъэ» позволяла быстро находить то или иное животное в большом стаде, табуне, отаре. В том случае, когда пропадала какая-нибудь скотина, знаки собственности того или иного князя были известны не только внутри одного его селения, но и далеко за его пределами, и каждый, кто обнаружит животное, считал своим долгом доложить об этом хозяину. Последний в свою очередь за приятную весть щедро одаривал вестника. Принцип нанесения знака собственности «хцIара» заключался в том, что тамгу наносили только на уши путем отрезания кончика ушей (пхьырса), надрезов (шIырса), проколов (кIылшIара). Но иногда на мелком рогатом скоте можно было встретить оба знака собственности: надрез или прокол на ушах и «дамыгъэ» на щеке. Термин «хцIара» встречается и в другой отрасли хозяйственной деятельности. Каждая хозяйка метила свою домашнюю птицу (кур, гусей, индеек и т. д.) путем отсечения когтя на каком-нибудь пальце ноги [124, с. 69].

Родовые тамги несли в горском обществе и функцию «производственного клейма» [127, с. 103], поскольку многие владельцы табунов занимались селекционной работой. Так, были известны, например, следующие породы лошадей, названия которых происходили от фамилий владельцев: щолэхъу (Шолохов), абыкъу (Абуков), бекъан (Беканов), къудаш (Кудашев), егъэн (Еганов), хьэгъундокъуэ а (Хагундоков), трам (Трамов), абзон (Абезуанов), къундет (Куденетов), есеней (Есанеев), мэршэн (Маршенев),

жарэщты (Жерештиев), шеджэрокъуэ (Шегероков), къэбан (Кабанов), ачэтыр (Ачетыров), къурэлей (Куралеев), ло (Лоов), кърымшоққал (Крымшокалов), дэндыр (Дандыров). Перед нами фамилии кабардинских, адыгейских, черкесских, осетинских, абазинских, карачаевских, ногайских владельцев, занимавшихся селекцией в коневодстве и сумевших вывести свои породы лошадей. Каждая из них имела свои достоинства и обязательно носила фамильную тамгу селекционера в качестве производственного клейма, поскольку у них имело место «линейное разведение». Обычно каждое семейство коннозаводчиков старалось свою лошадь разводить в чистоте и совершенствовать [189, с. 226]. Например, про абуковскую породу бытовала общеадыгская пословица: «Зы абыкъурэ, зы аркъэнтре уиIэмэ уунагъуэщ» (Если ты заимел лошадь абуковской породы и аркан, ты уже имеешь семью).

К тавру владельцы относились очень ревностно, стараясь не скомпрометировать свой символ социального и родового статуса. Идя на скотокрадство, они иногда ухищрялись осуществлять это на краденой лошади с чужим тавром или же на своей, на которую, как и в первом случае, с целью дезинформации преследователей предварительно ставили чужое тавро. Похитителю же, под которым погибала лошадь с его собственным тавром, ничего не оставалось, как срезать тавро.

О кабардинцах «своим коневодством приносивших и приносящих немалую пользу государству» [117, с. 223], писал генерал Смекалов 24 января 1889 г. Эту характеристик можно отнести ко всем горским коневодам, чьи лошади регулярно отправлялись в русскую армию.

Аналогичное явление наблюдалось и в среде балкарских животноводов. Например, «на выставке в ст. Прохладной в 1900 г. лошади коннозаводчика Н. Урусбиева были отмечены малой серебряной медалью» [208, с. 240].

Л. И. Лавров характеризует четыре функции кавказских тамг: знака собственности, производственное клеймо, печать или подпись, герб [127, с. 91]. Есть основания полагать, что в кабардинском обществе бытовала категория тамг совершенно иного назначения.

Общеизвестно, что каждый народ выработал свои методы общественного порицания. По нашим материалам, у кабардинцев эти тамги по степени суровости можно разделить на три категории:

а) когда она касалась лишь одежды: рубашка труса,

черный шерстяной колпак труса [185, с. 127], прожженная шапка труса [29, с. 93];

б) когда она касалась следующих понятий достоинства: усы, борода, волосы;

в) когда знак наносили непосредственно на самое тело: лоб, щека, нос, уши, палец, спина.

Последняя группа тамг кабардинцами называлась собирательно «тхьэгъэпцI дамыгъэ» (тамга клятвopеступника, предателя), а тамга, наносимая на щеку, имела еще и свое название — «нэкIу дамыгъэ» (лицевая тамга). О том, что знаки на лице соотносились с понятием чести, повествует, например, бытовавшая в прошлом в сел. Каменноостском поговорка, которой подзадоривали нерешительных драчунов-подростков: «Япэу емыуэнум Думэнхэ я нэккыжьэр и нэкIум тыраудзэ» (Тому, кто не ударит первым, пусть на лицо поставят подтаврок Думановых). Последний состоял из двух параллельных линий, выжигаемых вдоль морды овцы. Следует упомянуть и бытовавшие формы словесного ручательства за правдивость даваемых слов: «Ар мыпэжмэ, си пашIр уэзгъэупсынщ» (Если это неправда, то сбреешь мне усы); «Ар мыпэж мэ, си пэнцIывыр позгъэупщIынщ» (Если это неправда, я согласен не отсечение кончика носа). Подобные заверения означали, что люди знали такие тамги в качестве традиционных знаков позора, идущих вразрез с понятием *адыгэ напэ* (адыгская честь) [29, с. 93].

По этим знакам в литературе пока ничего фактически определенного нет. По нашим полевым материалам ясно лишь одно: на лице они вырезались, точнее, надрезались или выжигались в виде какой-либо прямой линии, а на лопатке только выжигались. Упомянутую группу тамг точнее было бы назвать порицательно-опознавательными. Существовавшее в народе мнение, согласно которому в кабардинском обществе князь метил левую ляжку, дворянин — правую, а простолюдин тоже левую, но ниже того места, где ставил тамгу князь, вероятно, некогда имело место. В. П. Пожидаев комментировал этот факт следующим образом: «...во избежание недоразумений в Большой Кабарде лошадь уорка метилась на левой ляжке, лошадь крестьянина на правой; однако, в Малой Кабарде этого обычая не придерживались строгой» [202, с. 37].

В доказательство данного обычая можно сослаться и на И. А. Гюльденштедта: «...тамгами княжеской фамилии Беслен, зарисованными им в 1774 году, были помечены именно левые ляжки» [127, с. 91].

Поскольку первоначальными обладателями фамильных тамг были «только князья и уорки» [70, с. 83], то поговорка

«Дэмыгъэ зытрадзэр шэсырабгъурщ» (Тавро ставят на ту сторону, с которой садятся, т.е. слева), вероятно, является отголоском того, что данный социальный символизм некогда действительно имел место.

Русские художники прошлого, писавшие кабардинских всадников, тоже помещали тавро на левых ляжках, например, тавро князей Шолоховых. Для общества, где отсутствовали инстанции, определявшие стандартные параметры качества продукции, тавро несло большую ответственность, ложившуюся как на тех, кто их ставил, так и на тех, кто ими обладал: «...приемщика Фролку Минаева бить кнутом и сослать в Азов, пусть не ставит клейм на плохо сделанное оружие», — писано в одном из петровских указов [298, с. 48].

Тамга, действительно, чтилась у горцев, другими словами, «ее хранили и берегли как дорогую реликвию» [145, с. 53]. О том, как ревностно относились к фамильному тавру в кабардинском обществе, предание повествует следующее. Когда в Кабарде появилось слишком много лошадей с тавром редкой известной породы шолох, настоящий владелец табуна этой породы Шупаго Талостанов решил их разоблачить. Для этого он объявил, что устраивает смотр всех лошадей шолохской породы, для чего предварительно приготовил большую изгородь, высота которой могла быть преодолена лошадьми лишь чистой шолохской породы. Когда все лошади с тавром «шолох» были помещены туда, Талостанов влетел верхом с длинной хворостиной и стал хлестать табун. Чистокровные быстро перемахнули через преграду и оказались на свободе, полукровки повисли на нарочно заостренных кольях изгороди, а все остальные остались в загоне. Предание гласит, что это разоблачение стоило ему жизни. Это предание имеет в народе несколько вариантов.

В тех случаях, когда одинаковым тавром метили скот владельцев и его подданных или же метили скот тавровладельца и того, кто одолжил тавро, появлялась необходимость отличать свою собственность. Для этого можно метить разные стороны животного или же разные части тела одной стороны: один ляжку, другой лопатку, третий шею; можно менять и угол рисунка тавра. Однако практика (хищение, подделка, порча) показала недостаточность этого арсенала. Поиск привел к появлению двух дополнительных знаков — «бжьэибзэ» (надрезанный рог) и «пашIэжьэ» (жженая губа). Первый представлял собой какой-нибудь производный штрих, вырезанный на рогах. О назначении второго знака единого мнения в среде наших информаторов нет, в литературе этот знак пока не описан.

По мнению одних, эта прямая или дугообразная линия,

выжигаемая у края губ на том месте, где удила входят в пасть лошади, является дополнительным опознавательным знаком. Другие считают его средством против тугоуздия, потому что боль, причиняемая коню при нажатии удила на обожженный угол губ, заставляла животное подчиниться.

Кстати, проблему тугоуздия действительно приходилось решать горским животноводам, недаром при первом седлении коня «поэтическим словом, характерным для горского обряда» [299, с. 69] произносили следующую заповедь (хъуэхъу):

Яльхъ, 1эк1э 1эсэу,
Лъэк1э псынщ1эу
тхуэщ1!

(О, Аллах, сделай его покорным руке
И скорым на ногу!)

Третьи же отрицают существование подобного знака вообще и как средство против тугоуздия приводили свой метод, заключавшийся в том, что внутреннюю сторону удила закуривали и образовавшиеся острые шипы удерживали коня.

По мнению четвертых, этот знак «паш1эжьэ» имел два значения: опознавательный и средство против тугоуздия.

Главной причиной появления этого знака, на наш взгляд, является все-таки проблема тугоуздия, хотя позже, естественно, он остался как один из опознавательных штрихов. По словам 98-летнего Х. С. Мусукова в Верхней Балкарии, этот знак на губу лошади наносили в день скачек, и именно непосредственно перед началом состязания.

Сказанное выше показывает, что серьезное изучение обычных норм тавровладения у кабардинцев и балкарцев поможет осветить многие аспекты экономических, сословных, правовых, патронимических, родственных взаимоотношений в горской среде.

Интересные факты, связанные с локализацией патронимии, дают сопоставления сходных фамилий с их тамгами. Эту группу можно разделить на две категории. Первая — это те фамилии, у которых изменение фамильного имени произошло минимально — к нему прибавилось исконно-адыгское патронимическое окончание «кьюэ» — сын. Например: Елдар — Елдарыкьюэ; Щам — Щамыкьюэ. (Елдаров - Елдароков, Шамоу — Шамоуков). Сравнивая имеющиеся в нашем распоряжении тамги из 75 фамилий, насчитанных нами в кабардинском языке, удалось выявить 11 совпадений и сходств графической основы тамги.

Вторая группа представляет собой категорию фамильных

имен, между которыми нет совершенно этимологического сходства в данное время. Речь идет о тех родах, часть которых в разное время полностью сменила фамильное имя. Их количество вместе с теми, кто имел в прошлом и фамильные прозвища, в книге [300] кандидата филологических наук И. Х. Пшибиева доходит до 170. Рассматривая их через призму тамговой взаимосвязи, можно заметить 5 случаев сходности, которые никак не могут оказаться фактами конвергенции.

Фамильные тамги у адыгов, за исключением тамги Трамновых, не имели своих собственных названий, произошедших от формы знака, как это, например, широко было распространено у ногайцев, и потому они так и назывались с упоминанием фамилии владельца: «Мысост дамыгъэ» - тавро Мисостовых, «Щолэхъу дамыгъэ» — тавро Шолоховых и т. д.

Собственные названия имеют лишь подтавровки, являющиеся, как правило, простейшими геометрическими фигурами: круг — хъурей, полукруг — хъурейныкьюэ, треугольник — щимэ, четырехугольник — пл1имэ; или же контурами каких-нибудь предметов быта: крюк — жьэк1адзэ, трехшиповая вила — гуахъуэжьыщ, ножницы — лэныстэ, подкова — нал и т. д. Тамга же Трамновых стала исключением, на наш взгляд, по причине ее совпадения с одним из основополагающих элементов адыгейской орнаментики — лирообразного знака или же сердцеобразного. Кстати, картонную масть пики адыги поэтому называют «трамэ». Указанный знак стойко прослеживается в хронологическом диапазоне от археологических материалов античности Северного Причерноморья [54, с. 67] до этнографических материалов XX в.

Горский обычай пользования тамгами охватывал множество сторон, касающихся как сословных этнических родственных отношений, так и обычных бытовых явлений семьи и патронимии. Основополагающим фактором при этом является ее отношение к имуществу: домашний скот и предметы быта.

После отмены крепостного права частичному изменению подвергся не только обычай пользования тамгами, а сам источник тамг. Обычай пользования тамгами показывает, что патронимическая тамга являлась свидетельством коллективной защиты стада» [212, с. 92].

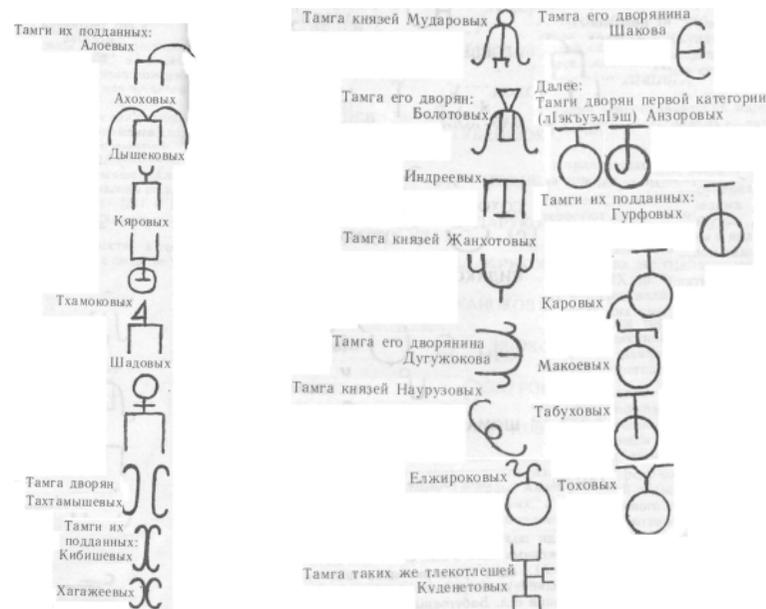
Исходная форма:	Поздняя форма:	Исходная форма:	Поздняя форма:
АБАЕВ	АБЕЮКОВ	ШАМОВ	ШАМОКОВ
АШАБОКОВ	АШАБОКОВ	АГОЕВЫ	КУЖЕВЫ (б. АГОЕВЫ)
ГУКЕПШЕВ	ГУКЕПШОКОВ	АГОЕВЫ	ТХАКУМАЧЕВЫ (б. АГОЕВЫ)
ДАУТОВ	ДАУТОКОВ	АГОЕВЫ	ГУЧЕВЫ (б. БАБУКОВЫ)
ДУДАРОВ	ДУДАРУКОВ	БАБУКОВЫ	ЖАМБОРОВЫ (б. СОХОВЫ)
ЕЛДАРОВ	ЕЛДАРУКОВ	СОХОВЫ	КАЖАРОВЫ (б. СИДАКОВЫ)
ЖАНОВ	ЖАНОКОВ	СИДАКОВЫ	ШОМАХОВЫ (б. КУРЖЕВЫ)
КАЗАНЧЕВ	КАЗАНЧОКОВ	КУРЖЕВЫ	ХАФИЦЕ (б. ШОМАХОВЫ)
КАНДАУРОВ	КАНДАУРОКОВ	ШОМАХОВЫ	
КОШЕВ	КОШРОКОВ		
КУЧБОВ	КУШБОКОВ		
МАЗОВ	МАЗОКОВ		
СОХОВ	СОХРОКОВ		

В период феодальной истории Северного Кавказа родовой тамгой обладали лишь князья и дворяне, а позже - состоятельные скотовладельцы незнатного происхождения, одалживавшие тамгу какого-нибудь феодала или же вариант ее рисунка.

Тамга оставалась единственным средством для опознания и удостоверения подлинного владельца пропавшего, похищенного животного, косяка или же табуна.

По данным Ш. Ш. Хуранова, когда абазинский наездник Идрис Камбиев угнал табун лошадей Крымшамхаловых в 50 голов и продал его казакам, «Крымшамхаловы по тамге узнали одну свою лошадь и распутали всю цепь» [244, с. 160]. Подобные факты во всех горских обществах прошлого были весьма типичными и частыми.

Феодально-сословный принцип зависимости: князь - дворянин — простолюдин — прослеживается в сходстве тамг указанных сословий. Например:

Среди полутора сотен кабардинских фамильных тамг, обнаруженных мной в сел. Сармаково (быв. сел. Бабугово — Бабыгуй), фактически одна треть рисунков тамг является производной от графических основ фамильных тамг бывших владельцев сел. Бабугоевых.

А по сообщению 80-летнего информатора М. А. Халишхова, жителя сел. Чегем (быв. сел. Куденетово — Къундетей), почти все жители их селения в прошлом пользовались рисунками тамг, взятых с основы тамги владельцев селения Куденетовых.

ГОРСКИЕ ТАМГИ В РУССКИХ АРХИВАХ

Депутации северокавказских народов, отправляющихся к русскому двору «бить челом»,— как тогда говорили,— по давно существовавшему обычаю брали с собой определенное число верховых лошадей, аргамаков¹. В ходе вручения этих даров их не раз описывали. Среди разнообразных форм исторических сведений, заключенных в упомянутых документах, нас интересуют лишь те, которые связаны с явлениями этнокультурного аспекта, а именно: категории тамговых знаков и их носителей — лошадей. Найденные образцы документов хронологически можно разделить на две группы: первая — с XVII по XVIII в., вторая — XIX до начала XX в. Необходимо отметить, что указанные дары являлись не единственными формами проникновения горских тамг в Россию. Народы Северного Кавказа издревле вели торговлю с Центральной Россией. Так, например, общеизвестной была историческая трасса, названная «ногайский шлях» [304, с. 298], которая веками использовалась «для перегона скота на русский рынок» [302, с. 298].

Исследователь М. В. Фехнер не без основания считал ногайцев Северного Кавказа главными поставщиками русского рынка. По его данным, еще в XVI в. ежегодно в одну лишь столицу Русского государства пригоняли около 10 тысяч лошадей, в отдельные же годы их количество доходило до 25—27 тысяч, а овец до 4 тысяч голов. Отсюда следует, что население Центральной России, в среде которого издревле существовала масса своих категорий-знаков собственности для мечения домашнего скота и иного имущества — мета, пятно², тавро, тамга,— имело возможность знакомиться с тысячами северокавказских тамг. В этих документах можно заметить фамильные тамги известных в прошлом владельцев средневековой Кабарды: Анзоровых, Касаевых, Лафишевых, Наурузовых, Шогеновых, а также множество ногайских тамг, фамильную принадлежность которых пока установить не удалось.

1. А р г а м а к — верховая лошадь (тюрк.).

2. В России практиковались 4 вида пятна: государственное, волостное, монастырское, пшечее.

Другой ценной стороной этих архивных документов является их дополнительное свидетельство массового проникновения разных пород горского скота в глубь России. Последнее, разумеется, влияло на естественную селекцию самих конских пород и других видов скота. Вполне естественно, что аналогичная метизация скота происходила и на территории Северокавказского региона. По сообщениям Б. Б. Кочекаева, сама «ногайская лошадь представляла помесь с кабардинской породой, а также с породами, заимствованными от прикубанских горцев» [113, с. 64].

Своеобразной дополнительной информацией о сложных и тесных политико-территориальных, сословно-династических и этнокультурных контактах ногайцев с остальным горским миром является как наличие у тех ряда фамилий явно ногайского происхождения — Есеней, Кандауров, Клычев, Наурузов, Ештреков, Жанхотов, Жамбеков, Найманов, Цеев, Шорокада, Тамазов, Алтыяк, Карамурзов, Нагоев, так и масса совпадающих тамг. Например, по таблице Л. И. Лаврова насчитывается 31 абсолютное совпадение (19 с адыгскими, 8 с абазинскими, 4 с карачаевскими). По таблице же другого исследователя, Ш. Ш. Хуранова [244, с. 163—188] число совпадений абсолютных и схожих с ногайскими составляет 23 тамги.

К фактам этнокультурной интеграции надо отнести и вышеупомянутое влияние на кабардинскую породу лошадей ногайской, «долгое время разводившейся в непосредственной близости от районов разведения кабардинской лошади» [303, с. 127]. Здесь небезынтересно будет отметить, что самый известный витязь кабардинской истории легендарный герой Андемиркан согласно устному народному творчеству получил своего скакуна от ногайцев. Из истории тамг в русских документах есть один крайне любопытный документ, датированный 4 ноября 1627 г. Из Астрахани в Москву отправляется группа кабардинцев во главе с Каншов мурза Битемрюковым, но, в отличие от обычных горских deputаций, она экипирована не местными лошадьми, более того, и тамги на них не горские. Документ сообщает: «...под Каншов, государь, мурзу с людьми под запас... дали государственных коней и жеребцов и кобыл, и мечены они государственным пятном за орлом» [89, с. 112]. Чем объясняется такое исключение? Ответ заключается в особой миссии этой группы. Среди документов, датированных лишь тремя годами (1627—1629 гг.), насчитывается 9 экземпляров, относящихся к разработке серебра на Северном Кавказе. А на Каншов Битемрюкова как раз и пала историческая ответ-

ственная миссия первым из кабардинцев уведомить русское государство об этом и помочь русским рудознателям в обнаружении и его разработке. Поскольку серебро являлось важнейшим валютным сырьем, то, естественно, безопасность этой миссии должна была быть гарантирована.

Не претендуя на прямую этногенетическую взаимосвязь, необходимо отметить, что совершенно аналогичная традиция, порожденная такими же мотивами, была у кабардинцев, балкарцев и других горских народов. Дело в том, что по феодальным канонам фамильные тамги имели лишь феодальные круги, а жители удельных аулов или кварталов метили тамгой своих владельцев, т. к. при этом «возрастала гарантия, что их скот никто не тронет» [172, с. 118]. Действительно, тамги горских владельцев давали гарантию лишь в пределах Северокавказского региона, а за его границами, в пределах Русской империи, необходим был уже сам имперский символ — герб самодержавия, т. е. «государство пятно за орлом». На наш взгляд, именно этим объясняется подобное исключение в таврении отправляемых лошадей.

ЦГАДА

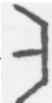
ф. «Кабардинские дела», № 115*

«1630 год, дело-3, л-54

Шолох Сунгелевич повез два жеребца тавра

1 — без тавра;

2 — «жеребец аргамачии сер. семи лет на левом от караку

тавра »

1631 год, д-6, л-2,3

Каншао Битемрюков бьет челом... «аргомак рыж грива налево восьми лет на левом бедре пятно на обеих сторонах подпарины ** да жеребец аргамачии на левом бедре пятно на обеих сторонах подпарины»

1631 год, д-7, л-48

Килмамат-мурза Куденетов

* Автор признателен В. Н. Сокурову, обнаружившему эти ценные Данные, за предоставленную возможность использовать их.

** П о д п а р и н а — подбитый седлом желвак [304, с. 195].

1 — «у задней ноги пятно в letech»;

2 — «да жеребец шесть лет тавра »;

4 — «на правом короку тавра».

1631 год д-8, д-16

Боруко-мурза Арасланов «жеребец — на левой окороку тавра»

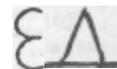
«да жеребец аргамачии семь лет тавра»
1634 год, д-2, л-24
Кильмамат дерит

«аргамаги с таврами»

1638 год, д-2, л-24 От черкесского владельца

1 — «тавра»

2 — «темно-бур. тавра»

3 — «аргомак»

1638 год, д-2, л-13 Цирхов Мурза

Ильдар Куденетов (дарит)
«тавра» 1634 год, д-1, л-209>

Сунгелей Сунгелеевич на правом
окороку тавра

1638 г. Память из Конюшенного приказа в Посольский приказ об оценке лошадей, приведенных к Москве кабардинскими мурзами и тарковским послом:

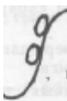
Цирхов-мырза Аросланов государю челом ударил... агромак темно-сер., грива направо, на левом бедре два кольца.

Да тарковский Суркай-мурза государю челом ударил... иноходец агромачей сер., грива направо, на левом бедре два кроука».

ДОКУМЕНТ № 177

«1647 г. между июня 10 и августа 31. Роспись, составленная в Терской приказной избе, с перечислением лошадей, купленных кн. Муцалом Сунчалеевичем Черкасским для отсылки в Москву.

Жеребец аргамачей рыж., осьми лет, во лбу лысина, грива направо, задняя левая нога повыше щетки бела, а у правой у задней ноги пониже щетки копыто бело ж, на левом окороку

У задней ноги тавро на заднюю на левую ногу припадает.

Жеребец аргамачей сер., грива направо, 10 лет, лысина до губы, на исподней губе немного бело, тавры нет.

Жеребец аргамачей темно-гнед., 10 лет, грива

направо, задней ноге на правом окороку тавро,
на правом глазу
туск, челка коротка
[89, с. 285]».

Десятки тысяч голов скота, изъятых у горцев в ходе карательных экспедиций Кавказской войны в качестве трофея, оказывались в полном распоряжении царской администрации. Явление это продолжалось вплоть до 60-х годов XIX в. Кстати, в архивных документах они так и назывались: «...отбитые у кабардинцев»¹.

Особенно это широко практиковали генералы Вельяминов, Засс, Булгаков, Дельпоццо, когда «кабардинские табуны разграбленными» доставались «войскам как военная добыча и положили основание кабардинским табунам у наших казаков». Но, как писал исследователь Д. Дубенский «казаки вели свои табуны, не придерживаясь системч кабардинцев... а потому их лошади стали вырождаться» [64, с. 12].

Подобный факт имел место, например, 25 апреля 1810 г., когда «карательный отряд Булгакова соединился с отрядом генерал-майора Дельпоццо»², в результате которого было «угнано 20 тысяч голов скота»³.

Отобранный скот тщательно описывали, при этом любопытно заметить, что манера описания внешности лошадей в русских архивах не изменилась с начала XVII в. по начало XX в. Они удивительно стандартны и сложены по структуре: пол, цвет, направление гривы и рисунок тамги.

Приведем один из таких документов, ценных тем, что он содержит описание тамг на нескольких десятках лошадей кабардинского табуна первой четверти XIX в.

Во-первых, наличие на лошадях 28 из 36 тамг с единой графической основой говорит о том, что табун был не сборным, а являлся имуществом конкретного владельца;

1. ЦГА КБАССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6, л. 73, 1822 г.

2. История. КБАССР. Т. 1. С. 227.

3. Там же.

во-вторых, это соотношение: один жеребец на 35 кобыл -обычная масштабная единица кабардинского табуна, называемая «хакIуапщIэ»;

в-третьих, документ подтверждает наличие одновременно и на лопатке и на ляжке тамги;

в-четвертых, одна из ценных сторон документа состоит в том, что он был создан до отмены крепостного права, когда родовая тамга несла свою классическую функцию социального символизма, согласно которому, например, из 33 случаев упоминания меченой стороны лошади 30 из них приходится на правую сторону, которую, по обычаю, таврили дворяне. По всем нашим данным табун принадлежал кабардинскому дворянину Кандаурову, чье село было расположено «по реке Урвань» [289, с. 268] и который, по данным переписи 1825 г., числился среди тех, кто «бежал за Кубань» [289, с. 270]. Дело в том, что 2 апреля 1822 г., то есть за два месяца до составления этого списка «отбитого у кабардинцев» табуна, полковник Коцырев двинулся на речку Нальчик и занял аулы Шауапцова и Кандаурова [206, с. 55].

Представление о той стороне лошади, на которую ставили тавро кабардинцы в первой четверти XIX в., дает следующий документ.

«Управление кабардинской линии»

Рапорт кордонному командиру о состоянии войск пехотного полка, о размене пленными, о переселении кабардинцев на равнину.

Начало 30 / V — 1822. На 180 листах.

Окончено 25 / I — 1823. л. 73—74 об.¹

Опись отобранным лошадям из числа отбитых у кабардинцев для казенных заводов, согласованного указом господина кордонного командира корпуса, в том числе семнадцать с жеребятами и одному жеребцу.

Июня 5 дня 1822 г.

1 — Кобыла гнедая, грива направо. На правой передней

лопатке тавро ... с жеребенком гнедым.

2 — Кобыла карая, грива направо, на правой передней лопатке, на заднем правом кострице , с жеребенком.

3 — Кобыла карая, волос лоб лысина, грива налево , на правой передней лопатке , на задней правой стороне (?) с жеребенком.

4 — Кобыла серая, яблочная. Грива на обе стороны... на передней лопатке тавро, на правой заднице кострица.

5 — Кобыла серая, яблочная. Грива на обе стороны, на передней лопатке. Напротив задницы кострица, с жеребенком.

6 — Кобыла гнедая, грива направо, на правой передней лопатке тавро, с жеребенком.

7 — Кобыла гнедая, грива на обе стороны, во лбу белая звезда. На правой передней лопатке тавро с жеребенком.

8 — Грива налево. Во лбу звезда, на левом (?) на правом (?)

9 — Грива налево, тавро на правой лопатке кострица

10—Грива налево, тавро на правой лопатке, кострица, во лбу звезда.

11 — Гнедая, грива налево, волос лоб лысина, тавро на правой лопатке.

12— (?) грива направо, тавро на правой лопатке

13—Темно-гнедая, грива на обе стороны тавро (...) (здесь и далее неясные слова документа мы заменили многоточием.— *Х. Я.*) на (...) от лопатки.

14 — Кобыла светло-короковая. Грива налево (...) лоб (...) белый, тавро на передней правой лопатке, с жеребенком.

15— Кобыла гнедая, грива направо, на лбу малое белое пятно, на правой лопатке, с жеребенком.

16 — Кобыла белая с крапинами, грива налево, тавро на правой лопатке, на левом кострица.

17— Кобыла гнедая, грива налево, с отметиной во лбу, малое (...) тавро на правой передней лопатке.

18 — Кобыла темно-гнедая. Грива на обе стороны, на правой передней лопатке, кострица

19 — Кобыла серая. Грива направо с отметиной, на передней лопатке тавро, с жеребенком.

20 — Кобыла гнедая, грива налево. Тавро на правой лопатке.

21 — Кобыла светло-серая. Грива направо, на правой передней лопатке тавро

22 — Кобыла серая, грива налево, тавро на правой лопатке, кострица

23 — Кобыла белая с крапинами, грива налево, с отметиной во лбу. На правой ляжке, кострица с жеребенком.

24 — Кобыла белая с крапинами, грива на левую сторону, тавро на левой лопатке.

25—Кобыла темно-сивая. Грива на левую сторону, на задней ляжке кострицы тавро, с жеребенком.

26 — Кобыла сиво-чалая, грива направо, на верхней губе белое пятно, тавро на правой ляжке, с жеребенком.

27 — Кобыла белая, грива налево с отметиной, волос на лбу лысина. На передней правой лопатке... (лист оторван).

28 — Грива налево с отметиной, во лбу белой... тавро на правой передней лопатке, на кострице.

29 — Гнедой, грива направо с отметиной. На обе седельные белые подпалины на и задней левой ноге тавро, во лбу белое пятно.

30 — Кобыла. Грива налево, волос спины черный, между ноздрей белизна, на левой передней лопатке тавро.

31 — Кобыла белая с крапинами. Грива налево, на левой передней лопатке, с жеребенком.

32 — Кобыла рыжая, грива налево. Тавро на правой лопатке, на кострице, на лбу белое пятнышко.

33 — Кобыла серая, грива налево, тавро на правой лопатке, на кострице, с жеребенком.

34 — Кобыла сивая, грива налево, на правой передней лопатке тавро с жеребенком.

35 — Кобыла серая, грива направо с отметиной, на правой передней лопатке тавро.

36 — Кобыла гнедая, грива налево на правой передней...

**Кордонному командиру
господину полковнику
Подпрятову».**

Документ касается жителей аула Абезыванова (квартал современного сел. Куркужин) и жителя аула Хаджиева (квартала современного сел. Малка). Жители первого: Хусен Абезыванов, Жандар Абезыванов, Хажи Курманов, Теуважуко Бешанов, Булау Машуков, Хадис Коков и житель второго Муса Хаджиев распиской, данной узденю аула Абезыванова Ильясу Карданову, удостоверяют, что «действительно у него Карданова в прошлом 1857 г. из табуна уворовали пять кобылиц»¹. В документе далее приводится рисунок тамги фамилии Кардановых; стоявшей на похищенных лошадях. Из числа заявителей к документу именную печать приложили Хусен Абезыванов и Муса Хаджиев, а по просьбе остальных расписался писарь Петров.

1. ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, т. 2, л. 74. Начато 15 янв. 1858 г., окончено 6 февр. 1859 г.

«Управление кабардинского округа

УДОСТОВЕРЕНИЕ ¹

1853 года сентября 21 дня мы, нижеподписавшиеся жители аула Абезыванова, даем сие удостоверение нашего же аула узденю Ильясу Карданову в том, что действительно у него Карданова в прошлом 1857 г. уворовали из табуна пять кобылиц. Приметами 1-я темно-гнедая 5 лет со звездочкой на лбу; 2-я темно-гнедая 5 лет; 3-я рыжая 5 лет, 4-я светло-гнедая 8 лет, ноги задние несколько белые и на лбу лысина и 5-я буланая 5 лет, все пять с моим тавром

, в чем и удостоверяем владельца Абезыванова

аула Хусейна Абезыванова, по неумению грамоты приложил именную печать (?). Владелец аула Хаджиева Муса (74 об.) Хаджиев прилагает именную печать; Эфенди аула Абезыванова Хажи Курманов, уздень Теуважуко Бежанов, Трах Нахушев, Булау Машуков, Хадис Коков и Жандер Абезыванов — и по незнанию российской грамоты и по их просьбе подписался писарь Петров».

В следующем документе житель Большой Кабарды Шаомуко Шогенов жалуется, что «назад тому года три»², то есть в 1855 г., у него похитили кобылу под тавром Шогеновых. Будучи в Малой Кабарде в ауле Бороково (современное сел. Арик, Терского района КБАССР) Шогенов обнаружил и опознал свою кобылу у Пшимахо Ахметова, который отказался вернуть ее, ссылаясь на то, что купил ее у какого-то назрановца (ингуша.— Х. Я.). Данный эпизод является очень типичным для того времени. Дело в том, что трасса, идущая через реку Терек, была традиционной и одинаково надежной для скотокрадов как кабардинских, так и чечено-ингушских. Существовало даже определение: «Тэрч исыкIящ ар» (Уплыло за Терек), что по смыслу соответствовало русскому: «Ищи ветра в поле».

В данном случае факт обнаружения своей похищенной кобылы вряд ли произошел случайно. Более вероятно следующее: тамга Шогеновых была известна почти всем адыгам и абазинам, впрочем, как и сама фамилия — самая

распространенная у адыгов. Скорее всего Шогенова о местонахождении его кобылы с его тамгой известили лица, заметившие это. Исходя из этого, ясно, что, во-первых, все жители данного аула знали тамги своих земляков, это давало возможность опознать не только свое имущество, но и имущество земляков; во-вторых, русская судебная администрация сочла горскую тамгу «удостоверением на предоставление ему вышеуказанной кобылицы»¹, потому что это было единственным юридическим способом индивидуальной и коллективной формы защиты имущества.

«№ 673

Управление кабардинского округа ²

20 мая 1858
Кундухову
от адъютанта

г. майору

Житель Большой Кабарды Шаомуко Шогенов объявил жалобу, что назад тому года три как у него украдена кобылица масти серой под тавром , по многим розыскам он не мог ее найти, а в прошлом году весной ездивший по надобности в Малую Кабарду нашел ее у малокабардинца аула Борокова Пшимахо Ахметова, которого хотя просил о возвращении означенной кобылицы, он объяснил, что приобрел ее от какого-то назрановца и потому не отдает ему.

Вследствии по приказанию г. начальника Кабардинского округа представляла при сем Вашему высокоблагородию просителя Шогенова имеющего удостоверение на предоставление ему вышеуказанной кобылицы, имею честь покорнейше просить распоряжения вашего о возвращении Шогенову его кобылицы, а Ахметову не признаете ли возможным предоставить с тем лицом, у кого он приобрел ее, и о последующем не оставить г. Полковника кн. Орбелиани уведомлением».

Следующая группа документов является, по существу, обычными сообщениями частных лиц о находках и пропажах лошадей по Кабардинскому округу первой четверти и начала второй половины XIX в.

1. ЦГА КБАССР, ф-2, оп. 1, ед. хр. 2, т. 2, с. 74.

2. Там же, л. 80, т. 1, 1959.

1. ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, т. 1, л. 8. Нач. 15 янв. 1858 г., окончено: 6 февр. 1859 г., л. 80.

2. Там же, л. 80.

Первый из них сообщает о том, что урядник Д. Сергеев нашел кобылицу и разыскивает владельца с тем, чтобы вернуть ее.

Если б нашедший кобылу и написавший рапорт, просящий «распоряжения о розыске хозяина к найденной кобылице»¹ командир сотни есаул Сердюков были бы осведомлены о тамгах как горцы, то они не могли б не догадаться, что перед ними лошадь с тавром известной во всей Кабарде фамилии Шалбаровых. Но из-за отсутствия у казаков повсеместного обычая таврения скота, следствием чего явилось незнание данного тавра, заставило их обратиться для опознания к самому начальнику Кабардинского округа полковнику князю Орбелиани.

Аналогичным рапортом о найденных лошадях казаками из станицы Змейской А. Белозерским и П. Долганиным является и второй документ.² По данным документа, один мерин был «без тавра»², а тавро, зафиксированное на втором, оказалось для нас совершенно неизвестным.

«№6813
7 октября 1858
ст. Ардонская
Орбелиани

Начальнику Кабардинского округа³
господину полковнику и кавалеру
князю

Командир 13-й сотни всадник кавказского казачьего полка есаул Сердюков рапортом от 11-го октября № 311 просит распоряжения о розыске хозяина к найденной 7 числа сего октября урядником Дмитрием Сергеевым неизвестно кому принадлежащей кобылицы приметам: масти серой, росту небольшого, грива на левую сторону, на левом окороке тавро

и поперек правой губы прут— / Полковое

ваше правление сообщает об этом Вашему сиятельству, имеет покорнейше просить распоряжения об объявлении об этой кобылице по вверенному Вам округу с тем, что, если окажется 216 об. к ней хозяин, то явился бы за получением с ясным доказательством к есаулу Сердюкову и о последующем уведомить.

Председатель полковник».

1. ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, л. 216, т. 2, 1858 г.
2. Там же.
3. Там же.

«№ 3598
6 июня 1868
ст. Ардонская

Начальнику кабардинского округа¹
господину полковнику и кавалеру
князю Орбелиани

Змейское станичное управление рапортом от 16 минувшего мая №263 доносит, что казаки той станицы Андрей Белозерский и Павел Долганин первый 13-го, а последний 14-го числа того же месяца в лесу нашли двух неизвестно кому принадлежащих лошадей меринов следующих примет: один масти рыжей, на лбу лысина, грива на левую сторону, левая задняя нога повыше щетки белая, на правой задней ноге тавро , 10 лет, а другой масти темно-гнедой,

грива по правую сторону, хвост куцый, отрезан, по спине от седельного побоя белые пятна, без тавра, 9 лет, последняя от изнурения вскоре пала. Полковое правление честь имеет уведомить об этом Ваше сиятельство для зависящего распоряжения.

За отсутствием председателя».

Несмотря на хронологическую разницу в 37 лет между третьим и четвертым архивными документами, по содержанию они однотипны и являются рапортами 1822 г. и 1859 г. о пропавших лошадях. Документы эти, как и остальные, подробно описывают внешность лошадей, упоминая при этом любопытный факт — одновременное таврение и «правой лопатки»² и «стегни»³. Поскольку наличие фамильных тамг у казаков не подтверждено в литературных источниках, мы склонны полагать, что казаки по примеру своих соседей - горцев метили коней, копируя тамги известных горских владельцев. В данном случае размещенные на казачьих лошадях тамги⁴ мы считаем нечем иным, как вариантами тамг кабардинских владельцев Мисостовых и Анзоровых.

1. ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, т. 2, л. 218.
2. Там же, л. 168, т. 1, 1822 г.
3. Там же.
4. Там же, л. 6, т. 2, 1858 г.

«Кордонному командиру господину
полковнику и кавалеру Подпрятову*
Волгского казачьего полка есаула Коновалова
РАПОРТ

Сего месяца 11 числа днем собственная моя лошадь. молодая и малоезженная, при выпуске на подножный корм. вырвавшись из рук, бежала к стороне селений Прохладного и Екатеринограду. которую тогда догнать не могли и по многому иску негде не найдено (168 об.), о чем предства вашему высокоблагородию, покорнейше прошу не оставит вашим предписанием по кордону вашему высокоблагородию вверенному не окажется ли где таковая лошадь, приметам она я мерин караковый на правой лопатке тавро, на стегне таковых...

№ 165 июня

№165 июня
21 дня 1822 года
станция
Павловская».

«Управление Кабардинского округа **
Начальнику кабардинского округа
господину полковнику кавалеру
кн. ОРБЕЛИАНИ

Полковое управление
Владикавказского
казачьего полка
№ 2587.
26 апреля 1858
ст. Ардонекая

Змейское станичное управление рапортом от 17-го апреля №212 доносит, что 15 числа сего месяца из станичного табуна верховой конь, принадлежащий льготному казаку Алексею Мясоедову, неизвестно куда умчался, приметам он масти гнедой, грива на правую сторону, на лбу белая звездочка, на

* ЦГА КБАССР. ф. 2, оп. I. ед. хр. 2, т. I. л. 168.

**Там же, ед. хр. 2, т. 2. л. 6.

росту среднего, 7лет.

Полковое правление, сообщая о сем Вашему сиятельству (6 об.), покорнейше просит сделать распоряжение о розыске упоминаемой выше лошади в подвластных вам окрестностях и будучи окажется отправить оную прямо от себя в линейное станичное управление и о последующем уведомить правление». Если вышеуказанные архивные документы являются коллекцией тамг, бытовавших столетия назад, то судебные дела с упоминанием фактов кражи, присвоения скота, меченного тамгами, интересны тем, что в них тамги приводились с тем же назначением, которое они имели в самой горской судебной практике. С установлением русской администрации на Кавказе судебным органам часто приходилось разбираться в конфликтных ситуациях, связанных с сословными, имущественными правами горцев. Поскольку горцы в тот период практически были лишены каких-либо документов, свидетельствовавших об их правах на ту или иную собственность, то родовые или семейные тамги являлись единственными документами юридической практики, способными подтвердить право и личность владельца. Другими словами, русская судебная структура в делах, связанных со скотокрадством, с этим «страшным злом сельской жизни Северного Кавказа» [2, с. 271, действовала по методу тамгового опознания имущества, т. е. она перенесла в свой следовательно-поисковый метод прием, бытовавший у горцев столетиями, без всякого изменения. Об этом свидетельствует характерное для того периода судебное дело, связанное с тяжбой между жителями аула Афипс и Новый Бжегокай Адыгеи. Из дела явствует, что 17 июля 1896 г. жители аула Афипс Исуф Ачмиз с братом Каримом и Ислам Шоуджен оставили своих лошадей в ауле Новый Бжегокай во дворе Иляса Джарим. При этом лошади исчезли. К сожалению, очень сложная скоропись, которой писан текст, не позволила прочесть текст полностью, тем не менее документ дает точное описание внешности похищенных лошадей и двух тамг шапсугских фамилий: Ачмиз и Шоуджен. Обе тамги находились на правых ляжках. Говоря об информативности документов с тамгами, приведем пример. Чем объясняется тот факт, что в 8 случаях

упоминания меченой стороны лошади приходится на левую сторону? Дело в том, что одним из «выразительных слоев культуры, теснейшим образом связанным с этикетом» [29, с. 23] у адыгов являлась «оппозиция лево — право» [29, с. 30]. Кроме того, «обычно какой бы большой ни была группа всадников или пеших, соединяться в ряд, превышающий трех человек, не рекомендовалось» [29, с. 79].

Как известно, значительная часть элементов горского, в частности адыгского, этикета родилась в условиях военно-походной жизни, «при которой наездники свои планы и действия держали в тайне» [29, с. 30], более того, есть мнение, что «даже надевали маски во время набегов» [29, с. 79].

На наш взгляд, обычай метить княжеским лошадям левую сторону, дворянским — правую, простых людей — левую, но ниже княжеского места, был порожден вышеуказанным мотивом. Ведь в самом деле, если «князь, пщы независимо от возраста занимал всегда место в центре... а почетный уорк с левой стороны князя, другой уорк, по летам или званию следующий за ним,— с правой стороны его» [29, с. 30], то именно лишь такая расстановка сословных персон обеспечивала полное сокрытие тамг от постороннего глаза и давала возможность «не быть узнанным» [29, с. 79], когда же необходимо было представить тамгу, надо было всего лишь выехать на несколько шагов вперед, и тамга говорила о фамилии и сословии владельца. Кстати, в среде горского общества практиковались и специальные приемы скрывать тамги, такие, как, например, ношение бурок с нарочно удлиненными полами, закрывавшими тамгу на ляжке, или срезание тамги с лошади, павшей во время набега.

ПРОТОКОЛ *

«1896 г. 19 июля дня я, Бжегекаевский сельский старшина Екатеринодарского отдела горец Муса Хаджимок, составил настоящий протокол вместе...»

19 июля в 10 утра явились ко мне горцы села Афипсип и Шапсугского общества Юсуф Ачимиз и Ислам Шоуджан и заявили: что мы вечером 17 числа он же июля дня... села Новый Бжегокай Иляс Джариму своровали якобы (Ачмиз

с братом, а Шоуджен один) якобы лошадей своих двух стреножили, одну простую пустили на ночь во двор Джарима... Карим вместе с двумя лошадьми хозяина Джарима и лошади принадлежащие нам... побывали со двора у Джарима уворовали, которым следует сообщить: принадлежащая Ачмизу 1 -я конь масти рыжая, лысая, 4-х лет, роста среднего,

грива на правую сторону... на правой ляжке

задней ноги и передней левой. 2-я кобылица масти гнедая, 4-х лет, роста среднего, грива на левую сторону ... задней ляжке небольшой полости белой шерсти, стоимость обоих 85 руб. и Шоуджена кобылица масти гнедой, 4-х лет рост средний, грива на правую сторону под тавром ...

задней ляжке , стоимость 45 руб. Хозяин же двух

лошадей остался у плетня во дворе. Разыскивали мы своих лошадей целый день 18-го числа».

Весьма интересным источником по изучению кабардинских тавр являются архивные документы, связанные с периодом русско-японской войны (1904 —1905 гг.). Как известно, эта война была чужда народу. Учитывая ее антинародный характер, кавказский союзный комитет РСДРП провел активную работу по разоблачению «империалистического, захватнического характера войны» [306, с. 48]. По этой причине правительству пришлось с большим трудом собрать кавалерийскую сотню из кабардинцев и балкарцев. Например, старшина сел. Догужокова Адельгери Жилоков сообщал, что «в хотники на вышеуказанную службу никто не пожелал» [306, с. 50]. Перед нами список жителей Нальчикско-Клишбиевского селения (так назывались селения Нартан и Вольный Аул, являвшиеся одной административной единицей). Из 6 всадников напротив 5 фамилий даны рисунки тамг на их лошадях. Своеобразие этого документа состоит в том, что ни одна тамга не принадлежит этим фамилиям. Дело в том, что всадников готовило чуть ли не все селение, они снаряжались за счет крестьянства, мало того, в тех пунктах, где власть господствующих классов была достаточно сильна, их снаряжали «из сельских общественных

* Дело Бжегекаевского сельского правления Екатеринодарского отдела // ЦГА ААО, ф. 21, оп. 1, дело № 195, л. 47—48.

сумм» [306, с. 50]. Солдату покупали все: от коня до обмундирования, и вполне закономерным итогом этого являлось то, что всаднику могли купить коня с тамгой любой фамилии. По приведенным в списке тамгам можно установить фамилии бывших владельцев коней. И, таким образом, на основе наших материалов, на лошади Керефова стояла тамга Тхамдаковых, на лошади Вармахова — Джамбековых, на лошади Дохова — Коновых, на лошади Кужева — Дугужоковых.

**Список участников
Из Нальчикско-Клишбиевского села *:**

лист №170 Залимгирей Керефов — гнед. кобыла-

Гилястан Вармахов - сер.-

Аслангери Дохов — кор.-

Марем Кужев - вор.-

Касым Хавов -

Шугана Шеритов — гнедой

ВЫВОДЫ:

1. Начиная с первой половины XVII в. по начало XX в. горские тамги выполняли свое сословно-владельческое значение.

* Материалы о формировании сотни добровольцев из кабардинцев и балкарцев в Терско-кубанский полк для боев с Японией // ЦГАКБАССР, ф. 6,1 оп. 1, ед. хр. 618, 1904 г.

2. При конфликтных ситуациях, связанных со скотом, горские тамги являлись, по существу, главным юридическим аргументом собственности.

3. Поскольку у горцев практиковалось коллективное ручательство за принадлежность той или иной тамги конкретному лицу, то тамги выступали как фактор частной, так и коллективной формы защиты имущества.

4. Русская администрация не изменила юридического значения тамги в делах, связанных с судебными тяжбами горцев, она так же использовала их, как и горцы.

5. Казаки хотя и редко, все же, на манер горцев, пользовались таврением скота, но из-за отсутствия традиционных фамильных тамг у себя, на манер горцев, пользовались графически ми основами популярных тамг соседей.

6. Архивные документы подтверждают сведения из полевого материала автора о существовании так называемого «пащ1эжьэ» — дополнительного знака, выжигаемого на губе лошади.

7. Архивные документы являются ценным источником как для изучения юридического значения тамг, так и для составления их каталога.

Г л а в а IV

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ТАВРЕНИЯ У ГОРЦЕВ

К числу факторов, характеризующих хозяйственно-экономический, культурный уровень кабардинцев прошлого, относится обряд таврения скота, так как скот «с древнейших времен составлял главное богатство кабардинцев» [70, с. 82]. Очень правдиво данный элемент описала у абазин Л. 3. Кунижева: «С разведением крупного рогатого и мелкого скота у абазин связан целый ряд обрядом, в основном совпадающих с годовым скотоводческим циклом. Большинство этих обрядов представляло собой магические действия, направленные на сохранение поголовья скота...— прогон стада между двумя кострами... потом между кострами проходили пастухи и все те, кто находились на летнем пастбище» [124, с. 69].

Определение роли скотоводства у абазин, данное Кунижевой, что оно «являлось основой их хозяйственной деятельности» и что скот «до конца XIX в. служил одним из важнейших мерил ценностей» [124, с. 71], фактически приемлемо ко всем народам Северного Кавказа.

Значимость этой ценности хорошо видна и в молитве

абхазов накануне отправления «стад в горы...»

- Алышкынтыр! Береги нас и наш скот!» [310, с. 166].
Наличие на теле животного тамги — веское доказательство принадлежности скота какому-нибудь роду, семье — в прошлом было крайне необходимым, потому что переокраска животных, выведение и подделка тамги, изменение формы рогов — все эти приемы имелись в арсенале скотокрадов. Трудно не согласиться с Я. Абрамовым, писавшим: «Конокрадство (скотокрадство) — это страшное зло сельской жизни Северного Кавказа» [2, с. 27].

Обряд таврения скота вызвал к жизни и обряд взаимопомощи для таврения, называемый кабардинцами «дэмыгъэтэдзе», имевший важное значение для экономико-культурной жизни. Ни одному из этих явлений не было чуждо поэтическое слово. Надежды, возлагаемые на этот обряд, видны из текста здравиц, произносимых по этому случаю:

Ялыхь, ди 1эщым хэгъахъуэ,
Ялыхь, гуф1эгъэ кьыдэт!

О, Аллах, дай нам приплода скота,
О, Аллах, дай нам радости!

Обряд таврения — явление весьма интересное с этнографической точки зрения — был фрагментально описан в работах В. П. Пожидаева [202], Г. Х. Мамбетова [144], Х. М. Думанова [70], Л. И. Лаврова [127].

Место проведения таврения определялось прежде всего наличием известных удобных естественных укрытий, при этом оно могло служить и для остальных не менее важных мероприятий: окота, стрижки, холощения и даже зимовки. Наиболее состоятельные скотоводы имели собственные фамильные, именные, пункты, которыми они пользовались веками на правах вотчины. Именно этим объясняется наличие целого ряда «антропонимов» [104] посессивного образования [308, с. 18]. Например, в Кабардино-Балкарии

Кабардинские:

- 1 — Къармэхэ я бгъуэншлагъ (Пещера Кармовых-сел. Каменноостское).
- 2 — Лъэрыгухэ я гъэльхуэщ 1уащхэ (Курган окота скота Тлеруговых — сел. Карагач).
- 3 — Уэтэрхэ я гъэльхуэщ щ1ып1э (Место окота скота Огаревых — сел. Карагач).
- 4 — Щалбархэ я гъэльхуэщ щ1ып1э (Место окота скота Шалбаровых — сел. Карагач).
- 5 — Хьэк1эщхэ я гъэльхуэщ щ1ып1э (Место окота скота Хакяшевых — сел. Карагач).
- 6 — Архэстхэ я уэтэрып1эжъ (Старое место кошары Архестовых — сел. Кызбурун I).
- 7 — Къэнэмэтхэ я егъэзып1э (Канаметовых стоянка -

сел. Куба).

8 — Жэбохэ я уэтэрып1эжъ (Старое место кошары Жабоевых — сел. Герпегеж).

9 — Къуэщ1ысокъуэхэ я уэтэрып1эжъ (Старое место кошары Кочесоковых — сел. Куркужин).

10 — Таучэшхэ я уэтэрып1эжъ (Старое место кошары Таукешовых — сел. Куркужин).

Балкарские:

- 1 — Аидебол туручу (Аидебола стоянка) [307, с. 104].
- 2 — Къудайланы жайлыкъ (Кудаевых пастбище) [307, с. 105].
- 3 — Боллат баула (Боллатовых загон) [308, с. 47].
- 4 — Заландыланы бау оруну (Заландыевых загон место) [308, с. 68].
- 5 — Атабаи кой къозлатхъан (Где окотились овцы Атабая) [307, с. 33].
- 6 — Жабагылы кютген (Место, где Жабагы пас овец) [307, с. 105].

Адыгейские:

- 1 — Хъажаукъо чэтыжъ (Древняя кошара Хажауко в окрестностях а. Афинсип) [309, с. 143].
- 2 — Хъатрам ичэт (Место стоянки овец Хатрама) [309, с. 149].
- 3 — Шъхъачэрыс ичэтлэгужъ (Загон овец Шхатгерия). Название местности, где расположен районный центр Курганинск [309, с. 162].
- 4 — Хъапшъэтыкъымэ ягъэхъун (Хапшетиковых поляна) [309, с. 147].

В Черкесии:

1 — Шыбызхъуэ Малахъу и чэтып1эжъ (Стоянка овец Шибзухова Малаха) (на границе Зеленчукского и Хабезского районов КЧАО);

В Абхазии:

- 1 — Ладжабтра (Стоянка Ладжа) [310, с. 118].
- 2 — Куста итып (Место Куаечы) [310, с. 118.]

Известны были также коши Азиковых, Абезывановых, Нахушевых (сел. Куркужин), а у балкарцев Тамбий стауат — Тамбиево стойбище [310, с. 116]; Чокунаны Стауаты — Чокуну стойбище [308, с. 145].

Существовали и не фамильные—общедоступные пункты: Хъэбаз бгъуэщIагъыжь — Старая пещера возле Хабаза (сел. Хабаз), Бгы хъуреижь — Старая круглая гора, Дэмыгъэтэдзэкъуэ — Балка для таврения скота (сел. Каменномост).

Собственно, техническая сущность обряда таврения состояла в нанесении домашним животным следующих знаков, называемых, например, кабардинцами: «дамыгъэ», «нэпкъыжьэ», «пащIэжьэ бжьэибзэ», «тхъэбзэ». За исключением последнего, вырезаемого на ушах овец и коз, все знаки выжигались. Знак «бжьэибзэ» (букв.: надрез рога) мог быть выжжен или надрезан на рогах животных. В Кабарде обряд таврения совершался обычно в апреле — мае перед угоном скота на Зольские пастбища. Этот день у кабардинцев назывался «дэмыгъэтэдзэ» — таврение крупного рогатого скота и лошадей или «нэпкъыжьээтэдзэ» - подтавровка овец и коз. Таврили, молодняк: у стригунов - жеребят— ляжку, у тёлочек — лопатку, баранчикам — щеку [202, с. 37].

Для этого каждая фамилия имела свой патронимический день, наиболее счастливый по мнению ее членов. Они так и называли его «ди махуэ» — наш день. Им мог быть любой день недели, но нежелательными считались вторник и пятница — мусульманский выходной. Во вторник всякое прикосновение к телу человека и животных считалось недоброе, более того — одним из самых страшных проклятий являлось «Гъубж Iэбжьанэ иубзи, бэрэжьей гыбзэ къыптыхуэ!» (Чтобы во вторник обрезал (ты) ногти и подвергся проклятиям, сказанным в среду).

Гауновы из Каменномостского (быв. Кармово) Зольского района предпочитали четверг; Нагоевы из Алтуда (быв. Ехшоково) Прохладненского района—среду; Ахеминовы из Плановского (быв. Боташево) Терского района — любой день, кроме пятницы; Казамушевы из Сармаково (быв. Бабугово) Зольского района — любой день, кроме вторника; Гуважуковы из Карагача (быв. Иналово) Прохладненского района -любой день недели.

Во взаимосвязях между днями недели и благополучием скота интересную аналогию можно проследить также из сферы животноводческой культуры чеченцев и ингушей, которые соблюдали «два дня с целью сбережения и размножения скота «хъайли шинара» (вторник скота) и «исс уьнах дьнах дьссург» — среда, буквально: «остающийся от девяти пастухов» [311, с. 155]. Таврение предполагало участие нескольких мужчин: необходимо было отловить и связать скот, выстричь место для таврения, а затем повалить и удержать в неподвижном состоянии, поэтому к участию приглашались родственники, соседи, односельчане, откуда этот обряд получил название «дамыгъэтэдзэ шIыхъэху»

— «взаимопомощь в таврении скота».

Помимо непосредственных участников, приглашались и уважаемые старики — почетные гости. На . таврении, организованном в кошах недалеко от населенных пунктов, особенно в зажиточных скотоводческих хозяйствах, нередко собиралось много родственников и односельчан. Обряд таврения обычно начинался с 8—9 часов утра. Непосредственным таврителем становился либо сам хозяин скота, либо кто-то из приглашенных.

При этом к таврителю, как и к человеку, занимавшемуся выколачиванием животных, предъявлялись определенные требования: не иметь физических недостатков, не быть бездетным, быть удачливым в разведении скота, не быть безбородым, иметь легкую руку, чтобы ранка быстро заживала.

Сначала таврили жеребят, годовалых, полуторогодовалых. Их, как правило, вязали. Так же поступали и с годовалыми бычками для таврения или надрезания уха. Крупных животных, связав, валили. Правда, позже в связи с переходом на более прогрессивные методы, появились нары-стойки, в которых голова и соответствующая нога привязывались. По нашим полевым материалам мы выявили в Кабарде четыре способа вязания и повала:

1. Веревка, связав основание рогов, идет поперек морды животного, обхватив ее. Затем она обвивает грудную часть. Участники таврения вдвоем или втроем, стоя на той стороне, в которую следует завалить животное, тянут через его шею веревку, проходящую под петлей на груди. Животное, голова которого оказывалась сильно заломленной к передней холке, падало.

2. Связав обе задние ноги над копытами с одной из передних, медленно тянут к себе, из-за чего три ноги оказываются стянутыми в одном месте.

3. Повал захватом и подсечкой двух дальних (двух левых или двух правых ног). Этот прием используется редко, так как считается жестоким, ибо при падении животное могло получить травму.

4. Самым удобным считают способ, при котором на шею животного набрасывают хомутом одну веревку и завязывают мертвую петлю. Вторая веревка завязана одним концом за заднюю ногу над копытами, а другим концом проходит под хомутом. Третья веревка от второй задней ноги повторяет вторую веревку. Участники повала тянут концы веревок из-под хомута назад к хвосту, отчего задние ноги поджимаются под живот. Присевшее животное заваливают в нужную сторону. Для удобства удержания, как и при резке, рога всаживали в землю. В момент прикосновения раскаленного тавра к телу на голову животного налегали 2—3 человека,

столько же садились и на живот. Этим заботились о четкости тавра и страховали самих себя от удара. Тавритель становился за спиной лежащего животного. На выбранное для таврения место клали влажный войлочный трафарет прорези которого повторяли рисунки тавра-штампа. Для устойчивости тавритель одной ногой наступал на животное и со словами: «Бисмиллахъи рахъмани рахъим, Ялыхъ, гуэныхъ тщомыщ!» (Во имя милостивого, милосердного Аллаха! О, Аллах! Не сочти нам это за грех!) — вставлял тавро в войлочный трафарет.

При таврении по терпеливости животного нередко судили о породе. Например, в народе бытовала пословица: «Щолэхъур зарык1уэ — дыжар дамыгъэтэдзэм къаш1ащ» (О том, что исчезла шолохская порода лошадей, стало известно во время таврения). Вторая пословица гласила: «Щыту томьдзэм щолэхъукъым» (Если в стоящем виде не тавришь, значит, это не шолохская порода). По мнению старожилов, шолохская порода лошадей была настолько вынослива, что для таврения их не вязали и даже не валили — таврили стоя.

Сообщение В. П. Пожидаева — «никаких предохранительных мер для ранки не принималось» [202, с. 37] — является весьма категоричным. Во-первых, сам выбор сезона таврения — до наступления «бадзэуэгъуэ» — периода появления опасных насекомых — уже был заботой о безопасности животных; во-вторых, во избежание травмы лишнего участка кожи, для частичного обезболивания и, естественно, для большей четкости рисунка тавра тавримое место покрывалось мокрым войлочным трафаретом. В-третьих, тавренное место моментально дезинфицировали народным методом — поливали молоком либо кислым молоком, сметаной или же топленым маслом.

Ушные метки (надрезы) кабардинцы называли «тхъэбзэ». В зависимости от формы и ее расположения на ушах она имела разные названия. Одна из них, отсекая кончик уха под острым углом, напоминала острие косы, из-за чего она так и называлась: «шэмэджыпэ». Другая метка представляла собой обыкновенный порез поперек уха, называемый «сыпапхъэ»: порез. Третья ушная метка называлась «шашк1у» и имела форму тупого угла. Ко всем названиям ушных меток соответственно места расположения могли прибавляться слова «гупэ» — передняя или «щ1ыбагъ» — задняя. Например, «гупэ сыпапхъэ» — порез передний или «ш1ыбагъ сыпапхъэ» — порез задний; «гупэ шэмэджыпэ», «щ1ыныбагъ шэмэджыпэ» и т. д. Ушные метки могли иметь и «форму треугольника, прямоугольника, круга, полукруга, овала, вилка, острого угла, параллельных линий» и т. д. [144, с. 29]. Владельцы меток строго следили за метками других, чтобы случайно не повторить их знак. А когда такое случалось, то по отношению друг к другу они назывались

«зэтхъэбзагъу» — владельцы одинаковых ушных меток — и дело, как правило, заканчивалось тяжбой, обязательно с участием свидетелей, способных подтвердить право первого владения данной меткой.

Любопытный фольклорный эпизод нами был зафиксирован в сел. Верхний Курп (быв. Инароково) Терского района у 75-летнего Х. М. Ныбежева. Два владельца овец Гыдов Тепсаруко и Макуашев Хатохшоко были соседями по кошу и стали «зэтхъэбзэгъу», т. е. совпали ушные метки их овец. Для того чтобы выяснить, кому все-таки принадлежит этот знак, они отправились к сельскому старшине. Тот спросил у первого:

- Тепсаруко, с каких пор пользуешься ты этой меткой?

- Со времен моего деда.

Тот же вопрос был задан и второму:

- Хатохшоко, с каких пор ты пользуешься этой меткой?

- С тех пор, когда мы были еще в языческой вере.

Тогда старшина оставил право метить этой меткой Макуашеву и велел сменить свой знак Гыдову.

Иногда путаницу с ягнятами, принадлежавшими разным лицам, но с одинаковыми ушными метками, разъясняли весьма простым естественным способом: к ним подводили маток и те пристраивались к своим.

Практика скотоводческой жизни породила и необходимость быстрой сортировки животных и по половому признаку, вероятно, поэтому кобыл таврили выше ляжки, а жеребцам и коням — саму ляжку.

Обрядовых животных и птиц забивал брат или близкий родственник хозяина, произнося заклинание:

Ялыхъ, гъэ угъурлы дьтегъэхъэ!

Ялыхъ, ди 1эщым хэгъахъуэ!

/ О, Аллах, дай нам счастливого года,

О, Аллах, да умножится скот наш! /

В тот день сельскому кузнецу относили «гъук1э 1ыхъэ» (доля кузнеца), состоявший обычно из хороших частей туши: части курдюка, ляжки, позвоночника.

При таврении скота на коше у зажиточного владельца, где был свой повар (уэтэр пщаф1э), мясо, национальную бузу готовили под его руководством мужчины, они же обслуживали и застолье. Даже в домашних условиях участников обряда угощал мужчина. По обычаю, женщина не появлялась на кошах, т. е. к. ее присутствие считалось нежелательным, неблагоприятным для блага животных.

Количество кулинарных изделий, приготавливаемых в день таврения, доходило до нескольких десятков: помимо собственно обрядовой пищи готовилось немало общеизвестных мясных, молочных и мучных блюд. Мы касаемся обрядовых

и редких блюд, готовившихся к этому дню.

Следует сказать, что почетные гости не ограничивались полезными советами, а принимали посильное участие: «из хвоста и гривы» [202, с. 37] вязали путы, плели арканы. Вот как описывает это В. П. Пожидаев: «Усевшись где-нибудь в сторонке, старики, не торопясь, связывают волос в пучки и в ожидании будущего угощения попивают холодную, вкусную бузу. По окончании таврения начинается настоящий пир — мальчишек одаривают конфетами, наиболее почетные старики-гости садятся вместе с хозяином за особый стол и начинается обильное угощение: тут и баранина, и говядина, и жареное, и пареное, разные напитки — буза» [202, с. 37].

Место тамады занимал старший из приглашенных. Поблизости ставили приготовленный запас бузы, обычно в деревянной кадке или керамическом кувшине емкостью от 2 до 5 ведер. Кравчий, наполнив чашу, протягивал ее двумя руками тамаде, сидящему за столом участников таврения. Тот принимал чашу и произносил хох:

Ялыхь, гъэф1 кьыдэт,
Ялыхь, зытевдзэм яхуэщыну,
И хьер тхьэм фиггъэлягъу!
/ О, Аллах, дай нам хорошего года,
На что вы ставите тавро да ниспошлет
Аллах все блага! /

Отпив немного, тамада предлагал чашу стоящему рядом со словом «нок1уэ» (к тебе идет). Тот отпивал из чаши, держа ее двумя руками, и передавал соседу. Чаша емкостью до 1 литра ходила против часовой стрелки, потому что каждый передавал ее сидящему справа. В сел. Урожайное (быв. Абаево) Терского района застолье предшествовало процессу таврения. Оно аргументировалось тем, что нельзя иметь дело со скотом натошак (гунэш1у). При том старший из участников, приняв чашу от кравчего, произносил:

Ялыхь, гъэф1 кьыдэт,
Ди 1эщыр узыншэу,
Ди жылэр узыншэу,
Дэ дыузыншэу,
Гъэ дытеггъэхьэ, Ялыхь!
/ О, Аллах, дай нам год хороший,
Чтоб скот наш был здоров,
Чтобы село наше было здоровым,
Чтобы мы были здоровы,
Чтобы год будущий мы застали, о Аллах! /

Сделав несколько глотков и протянув чашу одному из активных участников, говорил: «Мэт, ш1алэ, мыбы кьэфэт»

(На-ка, парень, отпей-ка). Взяв чашу двумя руками, тот отпивал и возвращал обратно. Вторично пригубив, старший пускал чашу по кругу против часовой стрелки. Из этой чаши испивали все участники таврения.

В «дамыгъэтедзэ 1энэ» (застолье в день таврения) соблюдались все классические элементы адыгского застольного этикета. «Считалось, что после того, как была разломлена голова, угощение закончено и приносили лэпс - мясной отвар, которым запивали все съеденное» [299, с. 241].

По окончании обряда хозяин благодарил всех, приняв чашу: «Хьер фхуэхъун фэри тхьэм кьывит, Тхьэм худиггъэш1эж;» (Пусть пойдет вам впрок, дай бог, чтобы и мы сумели вам помочь тоже).

Из всех блюд, приготовлявшихся из конины, самым престижным было «шыщхьэ нэш1ашцэ» — подглазье лошади. Вероятнее всего, в прошлом состоятельные владельцы предпочитали не барана, а лошадь. Вот что пишет об том Г. Х. Мамбетов: «До середины XIX в. для гостя резали главным образом двухлетнего жеребенка (нэбгъэф), чем и подчеркивали хлебосольность хозяина, его достаток и уважение к гостю. Позже жеребенок был заменен бараном, что практикуется и по сей день» [301, с. 238].

По-видимому, это обстоятельство и породило пословицу: «Шыщхьэ нэш1ашцэ зымышхам лы ишхакъым» (Кто не съел подглазья лошади, тот не ел мясо). Очевидно, временем смены лошади как обрядового животного бараном является первая половина XIX в., потому что в период активизации Кавказской войны, уносившей лошадей тысячами, каждая из них была дорога как боевая единица. Возможно, тогда и появилась пословица: «Шыр пшхыну шэрихьэткъым, шым кьэзуат ещ1э» (Конину есть — не по-шариатски, конь газават проводит). Непременным условием считалось, чтобы мясо принадлежало двухлетнему жеребенку, на которого обязательно пал иней — «жэп зытеха нэбгъэф», по мнению знатоков, иней убивал специфический запах конины. Понятно, что зарезать жеребенка мог только представитель зажиточных слоев.

По свидетельству Г. Х. Мамбетова, «день таврения заканчивался праздником с угощениями, танцами, играми, джигитовкой и скачками» [299, с. 229]. Скачки, устраиваемые в тот день, так и назывались: «дамыгъэтедзэ шыгъажьэ» [299, с. 233] — скачки в день таврения. Например, в квартале Хьэгъундокъуей (Хагундоково) сел. Къэрмэхьэблэ (Кармово) играли в древнюю военизированную игру «шурыльгэс» (букв.: конные и пешие), состоявшую в том, что группа пеших

с палками противостояла группе конных с плетью. Задача первой партии состояла в том, чтобы не пропустить конных, а другие старались проскочить этот заслон. Здесь же проходил и другой вариант состязания конных и пеших на дистанции примерно в 3 км. Стартовали пять всадников, а на расстоянии одного километра до финиша стартовали бегуны. Первый победитель среди всадников получал денежный приз от хозяина таврения — 30 рублей, второй — 15 рублей. Бегуны соответственно 10 и 5 рублей. Наиболее ловкие состязались в умении на полном скаку проползти под животом и садиться снова в седло. Проводили и национальную борьбу, в которой принимали участие, как правило, неженатые парни. При этом учитывалась и весовая категория, определяемая на глаз; брошенный на землю считался побежденным. Состязались в толкании тяжелых камней весом от одного до двух пудов на дальность. Участник, не сумевший поднять камень на вытянутой руке, выбывал сразу из игры. Участником толкания мог быть любой желающий. Дальность полета камня фиксировали воткнутым колышком. Победитель получал горсть монет и похвалу: «афэрым». Мишенью для стрельбы на меткость служила воткнутая лезвием к стрелку шашка на расстоянии 12 м. При попадании в острие шашка падала. Поскольку при подобной стрельбе стрелок видел лишь толщину клинка, приблизительно 4—5 мм, то это требовало большого мастерства. Для отличившихся существовал специальный эпитет: «къэмэдзэм йоуз» (попадает в острие кинжала) или же «джатэдзэм йоуз» (попадает в острие сабли). Скачки квартала Нырхъэблэ (Нырово) имели особенности. Скакали на дистанцию около трех километров 6—8 всадников, у одного из них было в руках знамя, тот вырывался вперед. Всадник, догнавший его, получал право нести знамя, другими словами, знамя оказывалось в руках самого быстрого. Победителем считался тот, кто приносил знамя к финишу. В сел. Кызбурун II (быв. Исламово) Баксанского района, помимо упомянутых видов, практиковались и прыжки на надутый бурдюк, лежащий посреди двора. Победителем считали того, кто, оттолкнувшись от бурдюка выше остальных, прыгал и не падал, приземляясь. Состязания, проводимые в день таврения, например, в Верхней Балкарии, аналогичны, здесь тоже устраивали национальную борьбу, толкали пудовые камни, стреляли на меткость в лезвие кинжала, воткнутого на расстоянии 10—15 шагов или же в очерченный углем круг — мишень диаметром около 40 см., удаленный на 60—70 шагов. Весьма интересен способ определения победителей скачек. В забеге участвовали

10 всадников на дистанции 6—7 км. В тот день делали 4 забега, после которого определялись 4 победителя. Четверка победителей на следующий день состязалась с новой четверкой, ранее участвовавших в состязании. Победитель той скачки, как и победители стрельбы, толкания камня, национальной борьбы, получал по одному барану от хозяина — организатора таврения.

ВЫВОДЫ

Несмотря на относительную стабильность и схожесть циклов обряда таврения в разных пунктах Кабарды, следует отметить и ряд особенностей.

1. Ландшафтно-географические, почвенно-климатические условия.
2. Типы зон: степная, предгорная, горная.
3. Количество и вид скота.
4. Перечень сословий данного пункта.
5. Сложившиеся между ними традиции.
6. Размер населенного пункта.
7. Близость пастбищ, водоемов, укрытий.
8. Наличие стройматериалов.
9. Техническая оснащенность владельцев скота.

Для участников обряда, по давно установленному обычаю, готовили «ху махъсымэ» (бузу из пшена), «мэрэмэжьей» (медовую бузу из пшена) — традиционные напитки и разные кушанья. Если в данном хозяйстве не было женщин, умеющих приготовить хорошую бузу (дамыгъэтэдзэ махъсымэ), приглашали известную мастерицу, под руководством которой готовился напиток. Нередко она оставалась в доме на несколько дней, наблюдая за приготовлением теста, его составом, выпечкой, закваской, добавлением меда или сахара и т. д.

«Шы къазы» в Кабарде и Балкарии готовили по одному рецепту, содержащему одни и те же компоненты. Технология приготовления состояла в следующем. Вынув толстую кишку, ее тщательно промывали, вывернув, мыли вторично. После закладки фарша оболочку с обоих концов протыкали палочкой и прочно перевязывали дратвой. Для приготовления фарша грудную часть туши распускали таким образом, чтобы сохранить целостность реберной кости: их разделяли, оставляя на каждом равномерный слой мяса и жира. В таком виде ребра со специями закладывали в толстую кушку. То же блюдо с названием «казы» [300, с. 317] по 24 штуки с туши

(по числу ребер) известно киргизам и другим народам Средней Азии. Перед закладкой фарш тщательно перемешивали со специями, заготовленными в отдельной посуде (соль, перец, лук, чеснок, чебрец).

В Верхнем Курпе (быв. Инароково) Терского района в «шы кьазы» добавляли иногда корень черемши. В сел. Урвань (быв. Мисостово) Урванского района фарш готовили из печени и жира. Разные рецепты и варианты технологии приготовления «шы кьазы» встречались и в рамках одного селения. В упоминавшемся уже Каменноостском известен способ, когда недоваренную конину, смешав со специями, укладывали в деревянную кадку на зиму. Встречались варианты и в тепловой обработке этого блюда. В Нартане (быв. Клишбиево) Чегемского района извлеченное из кадки мясо варили или жарили на сковороде, а в сел. Хамидие (быв. Хапцево) Терского района обычно конину вялили в очажной трубе в течение 7—10 дней. Часто мясо окуривали широко распространенным способом: крапивным дымом, имевшим и антисептический эффект. Это блюдо знали и карачаевцы, о чем упоминали европейские путешественники Г. Ю. Клапрот (1783—1835), И. Ф. Бларамберг (1800—1878). «Старым, негодным лошадям они (карачаевцы.— Х. Я.) обрезают хвост и гриву и пускают их в лес на подножный корм, от чего те очень жиреют. Зарезав их,— писал Клапрот,— они сохраняют мясо в сушеном виде до зимы или же отделяют от сухожилий и набивают в кишку» [50, с. 249]. Так же употреблялись желудок, печень и другие внутренности.

Бларамберг подтверждает, что процесс приготовления блюд из конины у кабардинцев и карачаевцев, по существу, идентичен, «а их мясо сушат про запас на зиму или режут на маленькие кусочки, из которых делают колбаски» [50, с. 423].

Блюда из конины, разумеется, не являются этнокомпонентом сугубо адыго-карачаево-балкарской локализации, поскольку с незапамятных времен пища из конины известна множеству народов Евразии [27, с. 157]; но тем не менее термины «шы кьазы», «шы кьэрэн» являются адыго-тюркскими, происходящими от адыгского «шы» — лошадь и тюркских «кьаран» — живот и «кьазы» — колбаса.

К дню таврения скота готовили фактически все виды колбасных изделий. «Нэкуль» отличался от «шы кьазы» тем, что его готовили «из нутряного сала, размельченной печени и мелких кусочков мяса» [144, с. 356].

Любимым хлебом, являвшимся обязательным элементом многих обрядовых действий, был «мэжаджэ» («мижаги» -

у балкарцев). Его распространенным названием было «ху мэжаджэ» (хлеб из пшеничной муки). В зависимости от обряда менялось его название: «вак1уэ мэжаджэ» — хлеб для пахоты; «мэкьуауэ мэжаджэ» — хлеб для сенокоса; «лэзтеуэ мэжаджэ» — хлеб первого шага [149, с. 104]. Принципиальной разницы между «дамыгьэтэдзе мэжаджэ» и остальными нет, правда, первый отличался меньшим размером. Технология приготовления этого вида хлеба в разных местах имела свои особенности. В селениях Чегем I (быв. Куденетово) Чегемского района, Кенже, Кызбурун II (быв. Исламово) Баксанского района обрядовый хлеб называли «пхьэхуей мэжаджэ» (березовый мэжаджэ). Для его выпечки на раскаленный под очага клали широкий обруч из березовой коры, концы которой скреплялись. В образовавшуюся емкость, которая могла быть «четырехугольной или круглой формы» [144, с. 343], помещали тесто, сверху тоже покрывали берестой, либо крышкой от сковороды. Упакованное таким образом тесто обкладывали горячими углями и выпекали. А в селениях Урвань, Лечинкай (быв. Тохтамышево) Чегемского района такой хлеб называли просто «пхьэфэ мэжаджэ» (мэжаджэ из коры дерева), поскольку из-за отсутствия березы на его выпечку шли другие деревья — кора яблони, груши, белолита.

Аналогичный обрядовый хлеб у абазин описан Е. Н. Даниловой: «В земле вырывали яму, в ней разводили огонь. Когда земля прогрелась, разгребали угли, выгребали золу и в середину ямы ставили пшеничное тесто в специальной форме из коры липы. Сверху тесто закрывали липовой же корой и замазывали глиной. После этого яму засыпали горячей золой, сверху разводили огонь и оставляли на ночь. Наутро ачагьвара мягя готов» [58, с. 47]. В селениях Ерокко, Старый Лескен (быв. Анзорово) Урванского района, Арик (быв. Борукаево) Терского района испеченный на углях хлеб назывался губора, что связано с географической близостью осетин-дигорцев, из языка которых слово пришло в кабардинский язык.

Выпеченный таким образом хлеб впитывал аромат коры, ароматические свойства улучшали его вкусовые качества. Этот способ помогал избежать инородных попаданий из очага. На наш взгляд, именно этот факт способствовал сохранению технологии и после появления металлических сковород. Хлеб, испеченный «на углях», «на золе» [50, с. 429] встречался и в карачаево-балкарской среде, как об этом писали очевидцы. Но здесь практиковалась иная, оригинальная техника, заключавшаяся в использовании

специальной железной пластинки с ручкой (арауан) [144, с. 344]. Она не была рассчитана на выпечку толстых изделий, а служила для выпечки лакумов, хичинов. На арауане хлеб можно было класть на угли после появления корочки, а если позволяла толщина, выпекать на ней самой.

Любимым обрядовым напитком был «дамыгъетедзэ махъсымэ» (буза к дню таврения). Как правило, это «ху уахъсымэ» (пшеница буза). Известен и более крепкий вариант — «мэрэмэжьей», отличавшийся тем, что обычный напиток с добавлением меда выдерживали в керамическом сосуде, закопав в землю на несколько лет. Этот крепленый вариант хорошо описан Хан-Гиреем: «...маремезин, приготовленный на меду, вкусом сладкий, но чрезвычайно крепкий и нечувствительным образом производящий сильное опьянение» [341, с. 344]. Такой напиток в Сармаково Зольского района, кроме общепринятого, имел и локальное название «Куэцэхэ я махъсымэ ф1ыц1э» (черная буза Коцевых), так как его часто готовили в фамилии Коцевых. Махсыма и марамажэй могли быть красноватого и черного цвета, что определялось степенью сжигания сахара, добавлявшегося в уже готовый напиток. Под названием «бал боза» (медовая буза) этот крепкий напиток широко известен карачаевцам и балкарцам, у которых бытовал и более мягкий напиток — «сырэ» (род пива), о котором в свое время высоко отозвался Клапрот: «Их пиво (иссра) подобно осетинскому, лучшее на всем Кавказе и похоже на английский портер» [50, с. 249].

В заключение следует сказать, что названия многих традиционных и обрядовых блюд у народов Северного Кавказа «удивительно схожи, что можно подтвердить примерами» [303, с. 51]:

1. Махъсымэ (каб.), бэхъсымэ (черк.) — буза.
2. Мэжаджэ (каб.), мижаги (балк.), мгял (абаз.) - обрядовый хлеб.
3. Жэрумэ (каб.), жүрме (балк.), жорма (осет.) - колбаса домашняя.
4. Хъыршын (каб.), хъычин (балк.), фыдчин (осет.), ахсин (осет. - иронцы) — пирог с мясом, сыром.
5. Чыржын (каб.), гыржын (балк.), кардзын (осет.) - чурек.
6. Нэкуль (каб.), накуль (абазин.) — сольтисон.
7. Мэрэмэжьей (каб.), мэрэмэжьии (черк.), мэрэмзии — (адыгейск.) — буза многолетней выдержки.
8. Хъумбылэ (каб.), хумеллек (балк.), хумаллаг (осет.) — хмель.

9. Лыбжьэ (каб.), либже (балк., ног.), ливзе, ливже (осет.) — мясо, курица в соусе.

10. Матэхъуей (каб.), матакоя (ног.) — сыр копченый.

11. К1апэлей (каб.), кепелей (ног.) — копчик овец.

12. Хьэлыуэ (каб.), хьалуа (балк.), калуа (осет.) — род халвы.

Краткий обзор ассортимента обрядовых традиционных блюд горцев Северного Кавказа является дополнительным свидетельством этнокультурного единства кабардинцев, адыгейцев, черкес, абазин, балкарцев, карачаевцев, ногайцев, осетин и других соседних народов.

Говоря словами Г. Х. Мамбетова, «понятно, что этнокультурные связи кабардинцев и балкарцев с соседними народами способствовали появлению новых продуктов питания, новых блюд» [144, с. 4 340].

Один лишь фрагмент обряда таврения — обрядовое застолье — содержит немало «социальных моментов» [1], убеждающих нас в том, что пища является «формой, опосредствующей общение людей» [2]. Резюмируя сказанное, есть основание заявить: отношение обряда таврения к приуроченным к нему блюдам у горцев можно отнести к той группе аналогичных взаимосвязей, приведших в свое время Е. Н. Студенецкую к выводу о том, что «питание было коллективным в период покоса, пахоты и т.д., не только в смысле совместного поедания пищи, но и внесения в общий котел определенной доли каждым участником. Это выражалось и в очередном забое скота пропорционально количеству едоков. Интересно, что приготовление пищи в таких объединениях возлагалось на молодых парней, которые таким образом проходили своеобразную школу горской кулинарии» [3].

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ И ПОСЛОВИЦЫ

Словарь

1. *Арэф* — подтаврок в виде крюка (букв.: багор, крюк).
 2. *Бадзэугъуэ* — период активизации насекомых — от второй половины июля до второй половины августа.
 3. *Баш* — подтаврок в виде прямой короткой линии (букв.: палка).
 4. *Баш закъуэ* — подтаврок в одну линию.
 5. *Баш тлуашIэ* — подтаврок в виде двойной линии.
 6. *Бгъэ дамэ* — букв.: орлиное крыло.
 7. *Блатхъэ* — лопатка.
 8. *Бэххэ сэх* — подтаврок в виде его опор (букв.: столбы хлева).
 9. *Бэракъ* — знамя извещательно-карантинного военного значения.
 10. *Былым дэмыгъэ* — тавро для крупного рогатого скота.
 11. *Гуахъуэ жытI* — подтаврок в виде двузубца (букв.: двухшиповая вила).
 12. *Гуахъуэ жыщ* — подтаврок в виде трезубца (букв.: трехшиповая вила).
 13. *Гупэ сытапхъэ* — вид ушного мечения: острый вырез передней части уха.
 14. *Гупэ шэмэджытэ* — вид ушного мечения: вырез в виде острия косы передней части уха.
 15. *Гупэ шэщIу* — вид ушного мечения в виде тупого угла в передней части уха.
 16. *ГъукIэ Iыхъэ* — доля кузнеца, отправляемая ему за то, что он изготавливает, ремонтирует железные штампы тавр. Она состояла из хорошего куска говядины (баранины) —ляжка, часть позвонка; чарки медовой бузы и мэжаджэ (хлеба).
 17. *ДэбыкIа* — вырез.
 18. *ДамыгъапIэ* — место мечения на теле.
 19. *Дамыгъашхъэ* — верхняя часть тавра.
 20. *Дамыгъэ къуапэ* — концы тавра.
- Дамыгъэ къуэдзэ* — подтаврок (в языке кабардинцев Терского района).

22. *ДамыгъэкI* — деревянный черенок тавра.
23. *Дамыгъэ лей* — лишнее, запасное тавро.
24. *Дамыгъэ кIапэ* —окончание тавра.
25. *Дамыгъэ лъабжъэ* — основание тавра.
26. *Дамыгъэ нэщI* — фальшивое тавро.
27. *Дамыгъэ ныкъу*—половина тавра.
28. *Дамыгъэ псыншIэ* — легкое тавро, состоящее из простых коротких линий, из-за чего при таврении причиняло меньше боли.
29. *Дамыгъэ тегъэуэн* — поставить тавро.
30. *Дамыгъэ тедзэн* — отпечатать тавро.
31. *Дамыгъэтедзэкъуэ* (географ.) —«Балка для таврения» находится в урочище Малые Кураты КБАССР.
32. *Дамыгъэтедзэджэгу*— игры, танцы ко дню таврения скота.
33. *Дамыкъэтедзэ ефэ-еишэ* — застолье в день таврения скота.
34. *Дамыгъэтедзэ махуэ* — день таврения скота. Практически каждая фамилия имела свой патронимический день таврения. Несовпадение дней таврения имело смысл, поскольку день таврения требовал много свободных рук соседей, близких и родственников, имевших возможность оказать помощь, потому что их день таврения был другим.
35. *Дамыгъэтедзэ мэжаджэ* — традиционный обрядовый хлеб адыгов, выпекаемый из пшеничной муки в очаге.
36. *Дамыгъэтедзэ мэхъсымэ* — традиционный напиток горцев, буза, приготавливаемый ко дню таврения.
37. *Дамыгъэтедзэ мэрэмэжъей* — тот же самый напиток, но многократно процеженный периодически и выдержанный в земле много лет (от 3—7 лет).
38. *Дамыгъэтедзэ тхъэлъэIу* — религиозная трапеза в честь таврения.
39. *Дамыгъэтедзэ хъуэхъу* — здравица в честь таврения.
40. *Дамыгъэтедзэ шыгъажэ* — скачки в день таврения.
41. *Дамыгъэтедзэ шIыхъэху* — взаимопомощь в день таврения.
42. *Дамыгъэтедзэ Iэнэ* — обрядовый стол для дня таврения.
43. *Дамыгъэ тецIэн* — сотворить над чем (кем)-либо тавро.
44. *Дамыгъэ тхъэмпэ* — лепесток тавра.
45. *Дамыгъэ уасэ* — плата за изготовление тавра.
46. *Дамыгъэ хъэльэ*—сложный рисунок тавро, наносимый ущерб животному, букв.: тяжелое тавро.

47. *Дамыгъэ хьэху*—тавро, взятое напрокат.
48. *Дамыгъэ хьэрахъэ* — тавро с невероятно затейливым рисунком, наносящее из-за этого ущерб здоровью животного.
49. *ДамыгъэцIыкIу* (геогр.)— название балки, горы и леса близ аула Жако Карачаево-Черкесии.
50. *Дамыгъэшхуэ* — название балки, горы и леса близ аула Жако Карачаево-Черкесии.
51. *Дамыгъэцэху* — скрытое тавро (под гривой, под брюхом, на внутренних поверхностях ляжек животных).
52. *Дэча* — вырванный, применительный к делу ушного мечения.
53. *Дыркъуэ* — дефект.
54. *Едыницэ* — подтаврок в виде единицы.
55. *Жэп зытыха нэбгъэф* — двухгодовалый жеребенок, на которого пал иней,— обрядовое животное.
56. *Жьафэ чэнчэ* — замкнутая выжигаемая линия от затылка вдоль морды в обход ушей лошади. По мнению горцев, этот метод лечил их от болезни отвисания челюсти; - название этой же болезни.
57. *ЖьэкIадзэ* — а) недостаток;
б) железный крюк цепи;
в) толстый волос в бороде;
г) подтаврок в виде крюка.
58. *Жэм дамыгъэ* — тавро для коров.
59. *Зэкъуэжэгъу* — односельчанин.
60. *Зэтхьэбзэгъу* — владельцы овец, ушные метки которых совпали.
61. *Зэхьэблэгъу* — жители одного квартала, околотка.
62. *Зэунэкъуэц* — родственники-однофамильцы.
63. *Зэуэтэрэгъу* — соседи по кошарам.
64. *Куафе* — поверхность ляжки, бедра.
65. *Кхьуэщын* — керамический сосуд (для бузы).
66. *КIадэ* — деревянный кадок (для бузы).
67. *Къамэдзэм йоуэ* — бьет по лезвию кинжала (высшая похвала тем, кто на обрядовых состязаниях попадал в лезвие кинжала, воткнутое в землю острием к стрелку).
68. *Къуажэ дамыгъэ* — аульное тавро.
69. *КыгъэлыкIын* — выжечь.
70. *Къэрэкъэш* — изогнутый.
71. *ЛIэкъуэлIш дамыгъэ* — тавро феодалов первой степени (Тамбиевых, Анзоровых, Куденетовых).
72. *Льэпкъ дмыгъэ* — родовое тавро.
73. *Нал* — подкова, подтаврок в виде подковы.
74. *НэкIу дамыгъэ*—лицевое тавро.
75. *Нагъыцэ* — знак.
76. *НэкIубгъу* — линия щеки.
77. *Нэкуль* — колбаса баранья.
78. *Нэпкъыжъэ* — подтаврок.

79. *Ныбэгу* — верх живота.
80. *Нып* — знамя.
81. *ПащIэжъэ* — дополнительный знак, выжигаемый на сулах, мордах животных для опознания.
82. *ПлIимэ* — квадрат, подтаврок в виде его.
83. *ПхэщI* — круп, седалище лошади.
84. *Пицы дамыгъэ* — княжеское тавро.
85. *Сэнджакъ* — стяг предводителя, владельца удела, владельца княжества с изображением его феодально-родового тавра.
86. *СэнджакъщIэт* — стягивник. У адыгов он избирался только из феодального сословия беслан-уорк.
87. *Сэхуэдзэм йоуэ* — бьет в лезвие шашки — высшая похвала меткости на состязаниях. Эпитет относился к тому, кто попадал в лезвие шашки, воткнутой в землю острием к стрелку.
88. *Сыпанхъэ* — острый ножевой вырез на ушах животного.
89. *Трамэ* — абазинская княжеская фамилия Трамовы; название знака в виде трамы — названия карточной масти червы.
90. *Тура* — какой-нибудь межевой знак вообще.
91. *Тхьэбзэ* — ушное мечение.
92. *ТхьэгъэцI дамыгъэ* — а) знак предателя, труса клятвопреступника; б) непонятный знак, способный вызвать споры, ссору и ложные клятвы.
93. *ТхьэкIумэ дэча* — ухо надрезанное.
94. *ТхьэкIумэ угъуэна* — продырявленное ухо.
95. *ТхьэмцIыгъу сэмпал* — пирог с начинкой из печени.
96. *ТIомедзе* — вторично поставленный после первой неудачной попытки знак.
97. *ТIыбжъэ* — бараний рог, подтаврок в виде рога.
98. *УанIэ* — стегня.
99. *Уэркъ дамыгъэ* — дворянское тавро.
100. *Уэтэр* — кош.
101. *Уэтэр пцафIэ* — повар на коше.
102. *УнциIэ дамыгъэ* — войлочный трафарет для четкости выжигаемого рисунка тавра.
103. *ХакIуэ дамыгъэ* — тавро жеребца.
104. *Хальхуэ* — порода.
105. *Хьэлэ* — клин, подтаврок в виде клина.
106. *Хьурей* — круг, подтаврок в виде круга.
107. *Хьурейныкъуэ* — полукруг, подтаврок в виде полу круга.
108. *Хьурзэ* — якорь, подтаврок в виде якоря.

109. *Чырест* — крест, подтаврок в виде креста.
 110. *Чырест ныкбэуэ* — полукрест.
 111. *Шэмэджыпэ* — подтаврок в виде острия (букв.: острие косы).
 112. *Шэрхэ* — подтаврок в виде колеса (букв.: колесо).
 113. *Шэшклу* — подтаврок в виде тупого угла.
 114. *Шыбздамыгбэ* — тавро для кобылиц.
 115. *Шыгхэша* — откормленная для забоя лошадь.
 116. *Шы дагбэ* — лошадиное масло.
 117. *Шы дамыгбэ* — тавро для лошадей.
 118. *Шыдыгбу* — конокрад.
 119. *Шы кбазы* — конская колбаса.
 120. *Шы кбэрэн* — сольтисон из конины.
 121. *Шыл* — конина.
 122. *Шы лэпс* — бульон из конины.
 123. *Шы мыкбуэ* — специально откормленная до состояния неподвижности лошадь (букв.: неходящая лошадь).
 124. *Шы ныкбэуэдэуэ* — искалеченная лошадь, оставляемая для забоя.
 125. *Шышхэ нэшлаицэ* — подглазье лошади — одна из престижных порций за обрядовым столом.
 126. *Шимэ* — треугольник, подтаврок в виде треугольника.
 127. *Иэдэ* — клещи, подтаврок в виде клещей.
 128. *Иэ псыницэ* — легкая рука.
 129. *Иэ угбурлы* — рука, приносящая счастье, удачу.
 130. *Иэ шабэ* — ласковая рука.
 131. *Иэц зыхуэц* — лицо, которому удается, везет в разведении скота.

Пословицы

1. *А жыхуэпэм дмыгбэ ялэ?* — У того, о ком ты говоришь, есть тавро?
 2. *Дамыгбэ зытель дыгбужбым шихыркбым.* — Волк тавренное не ест.
 3. *Дыгбужбым дамыгбэ ицлэркбым.* — буквальное соответствие русской пословице: «Волк тавра не знает».
 4. *Дамыгбэ зытрадзэр шэсырабгбуц.* — Таврят ту сторону, с которой садятся на коня (т.е. левую).
 5. *Дамыгбэм лыгбэ илэц.* — Тавро обладает мужеством.
 6. *И лыгбэр и дамыгбэм пэхбуркбым.* — Его честь не соответствует его тавру (т.е. родовитости).

7. *Хбэтлохбуцокбуэ дамыгбэ благбуэклэц.* — Тавро Атажукиных имеет драконовый хвост.
 8. *Шылыр шэрихэткбым шым кбэзэуат ешлэ.* — Конину употребляют не по шарияту, ибо он участвует в газавате.
 9. *Шышхэ нэшлаиэ зымышхам лы шихакбым.* — Кто не ел подглазье лошади, тот не ел вообще мясо.
 10. *Шыту томыдзэм цолэхбукбым.* — Если не таврил стоя коня, то это лошадь не шолохской породы.
 11. *Шолэхбур зэрыкбуэдыжар дамыгбэтедзэм кбишлац.* — Об исчезновении шолохской породы узнал тавритель. Обе пословицы фиксируют необычайную выносливость лошадей шолохской породы, которых можно было таврить, не связывая, как остальные породы.
 12. *Япэу ембуэнуэ думэнхэ я нэпкбужбэр и нежлум тыраудзэ.* — Тому, кто не ударит первым, пусть на лицо поставят подтаврок Думановых. Этой поговоркой подзадоривали нерешительных драчунов, не желавших нанести первый удар. На наш взгляд, эта поговорка является отголоском того периода, когда совершивших позорный поступок метили линией на лице.